A 197/839

19
839

К. НОСИЛОВЪ.

СРЕДИ НАШИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ

Очерки и разсказы.

—

Съ 16-ю отдѣльными картинками.

Изданіе редакціи журнала „РОДНИКЪ".

„РОДНИКЪ“

ежемѣсячный иллюстрированный, литературный и научно-популярный журналъ.

„Родникъ“ издается въ Петербургѣ съ 1882 г.

„Родникъ“ предназначается для семьи и школы.

„Родникъ“ — ***одобренъ и допущенъ для всѣхъ учебныхъ заведеній.***

„Родникъ“ — строго-литературное изданіе, преслѣдующее цѣли воспитательныя и образовательныя. Въ годъ 12 книгъ разнообразнаго содержанія. Изящная внѣшность. Помимо рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ, помѣщаются отдѣльныя картинки въ краскахъ и снимки съ произведеній извѣстныхъ художниковъ.

Приложеніе къ **„Роднику“**, педагогическій листокъ **„Воспитаніе и Обученіе“**, посвященъ вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія.

Условія подписки: на годъ съ дост. и перес. 12 книгъ **„Родника“** — **5** рублей, то же съ приложеніемъ 12 №№ педагог. листка **„Воспитаніе и Обученіе“** — **6** рублей. Отдѣльно за 12 №№ **„Воспитанія и Обученія“** — **2** руб. За границу — **8** руб.

По требованію высылается подробная программа. За три 7-ми коп. марки — пробный №.

Адресъ для иногородныхъ: С.-Петербургъ, Захарьевская, 1.

Контора: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 90—92

Редакторъ-издатель ***Алексѣй Альмединген***ъ

А 29
83 9.

К. Носиловъ.

СРЕДИ НАШИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

Съ рисунками, исполненными по фотографіямъ.

Изданіе редакціи журнала „РОДНИКЪ“

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ
БИБЛІО-
ТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Училища Глухонѣмыхъ, Гороховая, 18.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 ноября 1902 г.

2007056088

Рис. 1. Косякъ киргизскихъ лошадей.

I.

Галейко.

(Изъ жизни киргизовъ).

Съ маленькимъ киргизомъ Галейко я познакомился два года тому назадъ, когда путешествовалъ въ киргизской степи лѣтомъ.

Не знаю, въ какой день это было, но хорошо, какъ сейчасъ, помню тотъ день, когда насъ судьба столкнула съ этимъ оригинальнымъ мальчикомъ. Какъ сейчасъ вижу: ѣдемъ мы по голой, зеленой степи; день жаркій, на синемъ небѣ—хотя бы одно облачко; солнечные лучи такъ и жгутъ горячую землю, и отъ нея, словно изъ печки, такъ на насъ и пышетъ жаръ, полный запаха травъ и цвѣтовъ, которые словно вотъ-вотъ загорятся на солнцѣ.

Мы ѣдемъ въ экипажѣ, запряженномъ парою лошадей; казакъ кучеръ пересталъ не только пѣть свои заунывныя пѣсни, но даже посвистывать и разговаривать съ лошадьми, какъ это онъ любилъ дѣлать въ другое время.

Остановиться негдѣ: всюду солнце, всюду жаръ, духота, голая степь, ни одного кустика, ни одного деревца. Но вдругъ ямщикъ проснулся, лошади прибавили шагу, мы бойко своротили съ проселочной дорожки и поскакали въ сторону прямо по голой землѣ и травѣ.

— Что такое? спрашиваю ямщика.

— Юрты показались, отвѣтилъ онъ мнѣ и пустилъ лошадей вскачь, не смущаясь, что подъ нами не было и слѣда дороги.

Я сталъ вглядываться въ горизонтъ, на которомъ переливался синими волнами, словно синее море, воздухъ, и только съ трудомъ замѣтилъ, что тамъ, дѣйствительно, что-то бѣлѣетъ маленькими точками.

Немного погодя, эти маленькія бѣлыя точки обрисовались яснѣе; стало видно, что это бѣлые куполы; потомъ около нихъ появились другіе, словно выросли изъ земли; потомъ ихъ стало много, и передъ нами, какъ лагерь солдатскихъ палатокъ, показалось стойбище киргизовъ съ двигающимися фигурами, привязанными лошадьми и блуждающимъ около рогатымъ скотомъ.

Не доѣзжая до стойбища, мы неожиданно въ одной долинкѣ, гдѣ росла болѣе сочная трава, встрѣтили табунъ киргизскихъ лошадей.

Ихъ было десятка три-четыре. Тощія, некрупныя лошади спокойно паслись на зеленой травѣ, пощипывая ее своими бѣлыми зубами. Это былъ

„косякъ", какъ называютъ киргизы отборныхъ для продажи лошадей. Ихъ откармливали послѣ того, какъ онѣ нѣсколько похудѣли отъ жаровъ, а чтобы онѣ не разбѣжались по степи и не смѣшались снова съ другими стадами, ихъ зорко сторожили: два толстыхъ киргиза въ полосатыхъ халатахъ сидѣли постоянно въ сѣдлахъ. У того и другого пастуха съ боку сѣдла была привязана длинная палка. Этой палкой онѣ загоняютъ стада и ловятъ на всемъ скаку лошадей, и лошади прекрасно знаютъ это оружіе дикаря и повинуются малѣйшимъ его движеніямъ. Кромѣ того, въ рукахъ у нихъ по толстой нагайкѣ. Но главная сила ихъ— въ тѣхъ тощихъ, поджарыхъ лошадкахъ, на которыхъ они сидятъ и на которыхъ могутъ обскакать и загнать любую лошадь изъ стада.

Мы полюбовались косякомъ. Я фотографировалъ живописную группу подъ этимъ голубымъ небомъ, на зеленомъ коврѣ травы, и мы снова пустились дальше, желая поскорѣе скрыться въ тѣнь отъ знойныхъ лучей солнца, которое жгло насъ съ самаго утра.

Но чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ стойбищу киргизовъ, тѣмъ больше было интереснаго. Послѣ голой степи насъ словно обхватывала кругомъ жизнь: то попадалось стадо быковъ, то стадо мохнатыхъ барановъ, и прежде, чѣмъ мы доѣхали до стойбища, которое оказалось на самомъ берегу громаднаго озера, мы проѣхали по крайней мѣрѣ

мимо тысячи головъ разнаго скота, начиная съ овецъ и кончая громадными верблюдами, которые важно встрѣчали насъ и провожали своей спесивой, гордой головой на длинной уродливой шеѣ.

Но вотъ и стойбище—юрты киргизовъ.

Вдоль берега озера стоятъ до десятка кибитокъ, всѣ съ бѣлыми кошемными конусами, всѣ круглыя, всѣ съ маленькимъ дымкомъ, который, тихо поднимаясь изъ ихъ вершинъ, показывалъ, что варится обѣдъ киргиза.

Масса высокихъ поджарыхъ псовъ выскочили на наши колокольчики; изъ юртъ выбѣжали дѣти, и прежде, чѣмъ мы успѣли остановиться у крайней юрты на берегу озера, около насъ уже была цѣлая толпа любопытныхъ всѣхъ возрастовъ. Всѣ смуглые, въ полосатыхъ, свѣтлыхъ ситцевыхъ халатахъ, съ распахнутой грудью, съ черными, бойкими, любопытными глазами и всклокоченными волосами; женщины были покрыты шалями и просто бѣлыми покрывалами, отчего ихъ лица казались еще чернѣе. Но любопытнѣе всѣхъ были ребятишки. Они почти всѣ были только въ однѣхъ рубашонкахъ, но ихъ полное загорѣлое тѣльце было такъ красиво, ихъ руки, лица, ноги были такія темныя, словно это были фигуры, вылитыя изъ бронзы. Раскрытыя груди, голыя ножки и ручонки, курчавыя головки, съ черными, какъ смоль, волосами, черные глаза, легкій румянецъ сквозь

смуглую кожу,—все это было настолько красиво, что я не сразу могъ отвести отъ нихъ глаза.

Особенно заинтересовалъ меня одинъ мальчикъ съ курчавой головой, въ легкомъ холщевомъ халатикѣ. Онъ такъ живо что-то тараторилъ по-киргизски, такъ бросался унимать то собакъ, разозлившихся на насъ за тревогу, то бойкихъ своихъ сверстниковъ, бросавшихся подъ нашихъ лошадей, такъ суетился въ толпѣ... И мои глаза невольно какъ-то сами собой слѣдили за его красивымъ симпатичнымъ личикомъ и бойкими движеніями.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я его, когда онъ подвернулся мнѣ подъ руку около самаго экипажа.

— Галейко! чуть слышно отвѣтилъ онъ, и тотчасъ же скрылся въ толпѣ, словно стыдясь, что отвѣтилъ.

Насъ пригласили въ ближайшую большую юрту. Я съ радостью воспользовался этимъ приглашеніемъ и залѣзъ подъ пріоткрытое кошемное одѣяло, къ которому, чтобы оно не закрывалось, была приставлена березовая длинная палка.

Въ юртѣ была пріятная темнота. Свѣтъ врывался только черезъ двери, и въ ней было такъ прохладно, такъ чудесно послѣ ослѣпительныхъ лучей солнца, что я въ тотъ моментъ не промѣнялъ бы ее на лучшій дворецъ. Посрединѣ тихонько горѣлъ, пуская синенькій дымокъ кверху, кизякъ,

наполняя юрту характернымъ запахомъ своего дыма; по стѣнкамъ юрты висѣли циновки, стояли ящики, кровать съ бѣлой кошмой, и въ одномъ мѣстѣ висѣла маленькая люлька, въ которой спокойно спалъ маленькій голенькій мальчикъ, свернувшись на козлиной шкуркѣ. Его полное смуглое тѣльце было такъ красиво, что я невольно залюбовался.

Это замѣтила его мать, молодая киргизка, и, улыбнувшись мнѣ, торопливо вышла и принесла въ кувшинѣ кумыса. Вмѣстѣ съ матерью явился въ юрту и бойкій Галейко.

Онъ оказался братомъ этого маленькаго мальчика, что спалъ въ люлькѣ, и былъ, кажется, болѣе, чѣмъ доволенъ, тѣмъ, что я попалъ въ его родную юрту и пью кумысъ.

Мнѣ очень хотѣлось поговорить съ Галейко, но онъ не зналъ почти ни слова по-русски, а я—по-киргизски, и мы только обмѣнивались молчаливыми улыбками, уже полюбивъ другъ друга.

Мнѣ захотѣлось снять съ него фотографію, но онъ отнесся слишкомъ недовѣрчиво къ аппарату, хотя ему и доставило большое удовольствіе смотрѣть въ трубу и видѣть тамъ и палатку и мать свою. Но какъ я ни уговаривалъ его посидѣть спокойно хотя секунду, это не удалось, мальчикъ не понималъ, чего я добивался, и я рѣшилъ отложить это до перваго удобнаго случая.

Скоро я замѣтилъ, что Галейко собирается

Рис. 2. Юрта, гдѣ жилъ Галейко.

куда-то; онъ одѣлся въ полосатый теплый халатикъ и взялъ бѣлую шапку.

— Куда ты ѣдешь? спросилъ я по-киргизски.

Онъ что то пробормоталъ и, махнувъ рукой въ степь, вышелъ изъ юрты, отвязалъ отъ столба лошадь безъ сѣдла, живо забрался на нее верхомъ, и прежде, чѣмъ я сдѣлалъ шага три-четыре, онъ уже понесся карьеромъ. Я проводилъ его глазами и пошелъ въ степь.

Жаръ уже спадалъ. Солнце садилось. Степь стала принимать болѣе темный цвѣтъ, и со стороны озера повѣяло прохладой.

Наступалъ чудный степной вечеръ.

Когда я отошелъ нѣсколько десятковъ саженъ отъ юртъ и оглянулся съ маленькаго пригорка, весь аулъ былъ какъ на ладони. На плоскомъ берегу озера стояли юрты, около нихъ бродилъ скотъ... Какой-то всадникъ, подобно Галейко, несся вдали, на самомъ горизонтѣ степи, на лошадкѣ, и солнце, красное, громадное солнце, готово было погрузиться въ бѣлыя ровныя волны озера.

Я постоялъ, полюбовался этой картиной и направился къ ближайшему стаду воловъ.

До него была цѣлая верста. Нога скользила по гладкой шелковистой травѣ. Попадавшійся по пути ковыль помахивалъ пушистыми бѣлыми головками.

Вотъ я и у стада. Галейко тутъ верхомъ на своемъ Гнѣдкѣ, который послушно стоитъ съ нимъ

у самаго стада, настороживъ въ мою сторону уши.

У Галейко, какъ у заправскаго пастуха, тоже есть нагайка и длинный шестъ, на головѣ его тоже бѣлая кошемная шапка, на плечахъ тоже полосатый халатъ, и издали кажется, что это кто-то другой, взрослый, а не десяти или восьми-лѣтній мальчикъ: такъ измѣнилъ его новый костюмъ послѣ холщеваго домашняго халата.

Онъ сторожитъ воловъ. Они отдыхаютъ, наѣвшись досыта травы. Я останавливаюсь передъ ними и любуюсь, какъ они отдыхаютъ, лежатъ, стоятъ, даже, повидимому, не обращая вниманія на посторонняго человѣка.

Одинъ быкъ ближе ко мнѣ, краснобурой масти, съ толстыми, прямыми, характерными для степного быка, рогами. Дальше лежитъ полусонный черный быкъ, дальше стоитъ пестрый,—и всѣ они почти одного роста, вѣроятно, одногодки, приготовленные для продажи пріѣзжимъ русскимъ купцамъ. Галейко, видимо, ими доволенъ: они смирные, не разбѣгаются. Онъ терпѣливо дожидается, когда они поднимутся съ мѣста, чтобы гнать ихъ поближе къ юртамъ на ночь, такъ какъ въ степи ночами бродятъ волки.

Я снимаю съ воловъ фотографическій снимокъ и иду дальше въ степь.

Чѣмъ ниже спускается къ горизонту солнце, тѣмъ степь становится красивѣе. Вотъ она по-

темнѣла на бугрѣ, вонъ по ней протянулись красныя полосы, вонъ солнце, красное, громадное, отразилось въ водѣ озера, и бѣлыя юрты стали розовыми, какъ и вся степь.

Воздухъ сталъ еще свѣжѣе; трава отдала ему весь скрытый за день ароматъ, а камыши—всю прохладу, и среди нея такъ легко расширяется грудь, и не можешь надышаться этимъ чистымъ ароматнымъ воздухомъ.

На темноголубомъ небѣ уже зажглись первыя звѣздочки, когда я возвратился въ юрты.

Галейко уже былъ тамъ и игралъ съ товарищами съ пестрымъ козломъ съ громадными рогами. Они дразнили его, а онъ за ними бѣгалъ, но каждый разъ, когда онъ становился на дыбы, чтобы боднуть ближайшаго шалуна, его дергали сзади за хвостъ, и козелъ съ мявканьемъ бросался за смѣльчакомъ, вызывая въ другихъ неудержимый хохотъ.

Къ ночи аулъ былъ полонъ жизни. Сюда сошелся и скотъ со степи и пастухи. Всюду были разведены веселые костры, всюду варился кумысъ и ужинъ, всюду было движеніе, говоръ и крикъ.

Но этотъ веселый, оживленный вечеръ продолжался не долго: на дальнемъ югѣ ночь наступаетъ не такъ вяло, какъ на нашемъ сѣверѣ, и только что успѣло сѣсть за горизонтъ солнце, наступили сумерки, а ихъ незамѣтно, въ четверть

часа, смѣнила ночь съ звѣздами и молодымъ мѣсяцемъ, поднявшимся на западѣ небосклона.

Черезъ полчаса огни уже потухли и аулъ сталъ затихать.

Когда я возвратился въ юрту Галейко, онъ сидѣлъ за бараньей костью, которую только что поджарила ему мать. Онъ ловко обчищалъ ее со всѣхъ сторонъ острымъ ножемъ и прежде, чѣмъ я сѣлъ за столъ, уже такъ очистилъ ее, что даже песъ, ожидавшій подачки, не могъ ничѣмъ поживиться.

Пока я ужиналъ, Галейко легъ спать, прямо на землю, даже не потрудившись подостлать на нее кошму. По его убѣжденію, вѣроятно, это была совсѣмъ излишняя роскошь: земля, примятая въ переносной юртѣ, была такая теплая, что простудиться было невозможно, трава замѣняла постель, и халатъ его, положенный подъ голову, съ такимъ удобствомъ замѣнялъ подушку, что, казалось, и желать было нечего.

Поужинавъ, и я легъ спать на ту же теплую землю, и скоро юрта Галейко уже спала блаженнымъ сномъ.

Но я долго не могъ заснуть, слушая, какъ жуютъ коровы и лошади и по временамъ кричитъ какой-то верблюдъ, оглашая страшными воплями воздухъ. Для меня все это было такъ ново, такъ оригинально. что я задумался и уже не помню, какъ заснулъ. . . . . .

Утромъ, когда я проснулся, Галейко уже не было въ юртѣ.

Рис. 3. Галейко возить воду.

Я спросилъ его мать, гдѣ онъ, и она мнѣ махнула рукой на озеро, давая этимъ понять, что онъ туда ушелъ за какимъ-то дѣломъ.

Я всталъ, взялъ полотенце, мыло, и отправился на озеро выкупаться. Но Галейко тамъ не было. Оказалось, что онъ гораздо дальше отъ юрты и уже занятъ совсѣмъ новой должностью — развозитъ воду по аулу, такъ какъ сегодня была его очередь.

Напившись кумысу вмѣсто чая, я живо отправился туда и. дѣйствительно. засталъ Галейко за работой.

Онъ сидѣлъ верхомъ на пестромъ старомъ быкѣ. Къ сильному, громадному быку были привязаны оглобли киргизской двухколески-телѣги. и на ней, въ кошмахъ, чтобы не такъ согрѣвало воду солнце, были поставлены боченочки, которые и развозилъ Галейко по юртамъ, снабжая такимъ образомъ весь аулъ свѣжей водою.

Такъ какъ озеро было неглубокое, то онъ заѣзжалъ въ него далеко и тамъ бралъ воду. Работы было Галейко вдоволь, но онъ, видимо, не особенно тяготился обязанностію водовоза, ловко управляя старымъ толстымъ быкомъ, дергая его за привязанную къ его носу веревочку. Быкъ слушался Галейко, шелъ въ воду, останавливался. когда онъ приказывалъ ему остановиться. выходилъ на берегъ и терпѣливо, тихонько вывозилъ телѣгу съ водой на высокій берегъ и тащилъ ее, поскрипывая немазанными колесами.

Я улучилъ минуту, когда Галейко выѣзжалъ на берегъ, и снялъ съ него снимокъ на память, вмѣстѣ съ какой-то подвернувшейся пестрой коровой, которая зашла въ озеро напиться воды.

Когда я возвратился въ аулъ послѣ прогулки по берегу съ фотографическимъ аппаратомъ, вдоволь налюбовавшись и перебѣгавшими по берегу сѣрыми куликами, и летавшими утками, и темными камышами, которые стояли неподвижно недалеко отъ берега, то былъ уже снова день, жаркій, жгучій день, какой, кажется, только и можно видѣть въ голой киргизской степи.

На горизонтѣ крупными волнами колыхался нагрѣтый воздухъ; со стороны степи напахивало такимъ жаромъ, словно изъ печи; озеро, какъ сталь неподвижное, отражало лучи солнца; и все живое попряталось отъ зноя.

Аулъ былъ какъ мертвый: скотъ давно, еще раннимъ утромъ ушелъ далеко въ степь на свѣжую траву, пастухи уѣхали туда же, а все остальное,—женщины, дѣти,—попряталось въ тѣни кошемныхъ палатокъ, пережидая, когда наступитъ веселый прохладный вечеръ.

Въ юртѣ Галейко я засталъ всю его семью: старушку бабушку въ бѣломъ покрывалѣ, молодую мать, стряпающую изъ муки на бараньемъ маслѣ маленькіе катышки, которые, въ поджаренномъ видѣ, замѣняютъ киргизамъ нашъ хлѣбъ; его маленькаго черненькаго братца, который, сов-

сѣмъ голенькій, ползалъ въ углу, играя съ пестрымъ молодымъ привязаннымъ козленочкомъ, и его сестру, несмотря на жаръ и зной, одѣтую въ шелковыя ткани и украшенную серебряными монетами, которыя свѣшивались съ косы и обрамляли лобъ. Только не было отца Галейко, толстаго съ добродушнѣйшимъ лицомъ киргиза, который, какъ мнѣ сказали, куда-то сегодня уѣхалъ покупать верблюдовъ и лошадей.

Въ юртѣ былъ пріятный полумракъ; дверь была спущена и закрыта; верхнее отверстіе, куда проходитъ дымъ, было полуприкрыто, и юрта освѣщалась только нѣсколькими лучами солнца, которые, какъ золотыя нити, пробивались сверху и спускались до самой земли.

Я, усталый, долго лежалъ на коврѣ, посматривая на обитателей юрты и потягивая изъ стакана свѣжій кумысъ, которымъ неизмѣнно, каждый разъ, когда я показывался въ юртѣ, меня угощали гостепріимные хозяева, какъ лучшимъ лакомствомъ ихъ кухни.

Этотъ кумысъ, когда я его выпивалъ даже немного, всегда слегка кружилъ голову и притомъ такъ пріятно утолялъ жажду, такъ освѣжалъ, что, казалось, ничего лучшаго нельзя было выдумать въ этой тропической жарѣ. И подъ вліяніемъ кумыса и степь, и эта юрта, и эти добрые, простые люди казались такими счастливыми, что я, право, нисколько не жалѣлъ, что они не знаютъ нашихъ городовъ.

Немного погодя послѣ моего прихода, въ юрту явился и Галейко, окончивъ свою работу водовоза. Пестраго стараго быка онъ пустилъ въ степь, воду и боченки развезъ по юртамъ, и теперь свободенъ на весь день и можетъ дѣлать, что хочетъ, до самаго вечера.

Пользуясь его свободой, я тотчасъ же взялъ его къ себѣ въ проводники, выразивъ желаніе пройтись по юртамъ и посмотрѣть, что дѣлаютъ киргизы.

Онъ съ радостью согласился на это, и чрезъ минуту мы уже отправились съ нимъ въ маленькую экскурсію по его родному аулу.

Въ ближайшей юртѣ мы застали всѣхъ спящими: спали и дѣти, и женщины, и собаки, и козлы. Въ другой, рядомъ, мы нашли одинокую женщину, которая, полураздѣвшись, катала тѣсто; въ третьей—не было никого; около четвертой сидѣли двѣ женщины, которыя были заняты тканьемъ матеріи изъ овечьей шерсти. Ихъ ткацкій станокъ былъ самаго простого, первобытнаго вида: одинъ колышекъ, воткнутый въ землю, отъ него протянутъ рядъ нитокъ, на срединѣ—козлы съ челнокомъ и бердомъ; другой конецъ нитокъ просто помѣщался подъ сидящей женщиной, которая его удерживала своими колѣнями. Я нагнулся посмотрѣть работу: ткань была чиста и прочна, и я удивился такому легкому способу выдѣлывать матеріи на зипуны,—„азямы", какъ зовутъ ихъ въ

Рис 4. Далейко везеть бабушку въ гости.

Сибири. Около пятой юрты мы нашли только пару дѣвочекъ, которыя, играя въ тѣни своего жилища, распѣвали тихонько какую-то пѣсню. вѣроятно, про свою родную степь. Обѣ черноглазыя, обѣ въ нарядныхъ платьицахъ изъ шелка и въ бусахъ, обѣ съ непокрытыми головами, съ курчавыми черными косами, въ которыхъ были вплетены серебряныя монеты. Увидавъ насъ. онѣ застыдились и торопливо скрылись въ своемъ жилищѣ. Около слѣдующей юрты цѣлая куча ребятишекъ играла съ привязаннымъ красно-бурымъ барашкомъ, котораго они то кормили цвѣтами, то ѣздили на немъ верхомъ кругомъ юрты. Прехорошенькій барашекъ терпѣливо поддавался имъ: возилъ ихъ на своей мягкой спинѣ, ѣлъ изъ ихъ рукъ траву, вѣроятно, совсѣмъ не подозрѣвая, что его сюда привязали только до вечера, чтобы заколоть и опустить затѣмъ въ котелъ.

Набродившись вдоволь по юртамъ и насмотрѣвшись всего, мы возвратились съ Галейко въ его юрту, чтобы отдохнуть, пока спадетъ жаръ, и снова пуститься въ дальній путь по степи.

Часовъ въ пять вечера жаръ началъ спадать. Мой ямщикъ-казакъ привелъ своихъ лошадей и сталъ запрягать въ экипажъ.

Мнѣ грустно было разставаться съ этимъ ауломъ, въ которомъ текла такая простая, привольная, скромная жизнь, но я утѣшался тѣмъ, что одновременно съ нами туда же, по нашей до

рогѣ, отправлялся и Галейко, съ которымъ мы были теперь уже друзья: онъ везъ свою старую бабушку куда-то въ другія юрты въ гости.

Онъ живо сгонялъ на своемъ Гнѣдкѣ въ степь, привелъ въ поводу свѣжую лошадь и сталъ запрягать ее въ свой экипажъ.

Этотъ экипажъ оказался самой простой, первобытной двуколкой съ парой колесъ и оглоблями. Слѣдя за тѣмъ, что дѣлаетъ Галейко, я недоумѣвалъ, куда они оба съ бабушкой помѣстятся, когда тутъ и одному пассажиру не было мѣста. Вдобавокъ ко всему, Галейко одѣлъ на лошадь не хомутъ, а сѣдло. Къ сѣдлу онъ примоталъ ремнями оглобли; бабушка вышла и сѣла на ось, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, помѣстился въ сѣдлѣ, и взявъ поводья смирной лошади, шажкомъ, какъ его просила бабушка, отправился въ путь. И плутъ, понимавшій хорошо, что меня очень все это удивило, еще смѣялся, смотря на меня, словно желая сказать: вотъ какъ я просто и легко обошелся безъ твоего тяжелаго и громоздкаго экипажа.

Онъ былъ такъ хорошъ въ роли кучера, бабушка была такъ прекрасна въ этомъ экипажѣ, что я съ удовольствіемъ снялъ съ нихъ еще одинъ снимокъ, который былъ уже послѣднимъ.

Скоро мы разстались. Онъ поѣхалъ тихонько съ своей бабушкой и таратайкой, а я быстро покатилъ на своей парѣ дальше.

Рис. 5. Киргизская школа подъ Сергіополемъ.

II.

Киргизская школа.

Я и мой спутникъ ѣхали на парѣ киргизскихъ лошадокъ по дорогѣ изъ г. Усть-Каменогорска къ Сергіополю; былъ сентябрь мѣсяцъ, но жара стояла страшная, и горы, чрезъ которыя мы пробирались, обливало такое блестящее солнышко, что мы невольно щурили глаза. Поднявшись на одну гору, мы остановились и вышли изъ экипажа, чтобы размять немного уставшія ноги.

На горѣ дышалось посвободнѣе, дулъ откуда-то изъ ущелья легонькій, прохладный вѣтерокъ, и мы невольно засмотрѣлись на ближайшую, широкую, бѣлую, какъ скатерть, долину, которая словно спала при этомъ блестящемъ освѣщеніи. Я замѣтилъ тамъ, внизу, какъ-будто распаханное свѣжее поле.

— Что это? спросилъ я спутника, указывая ему туда.—Какъ-будто наша пашня?

— А, тамъ? Да, это пашня...

— Развѣ тамъ есть русскіе переселенцы?

— Нѣтъ, это не переселенцы: это школа киргизовъ...

— Киргизовъ? удивился я.—Развѣ и ихъ вы учите въ этой степи?

— Какъ же! И имъ нужно образованіе. Это сельско-хозяйственная школа, которую устроили еще въ 1887 году.

— Вотъ какъ!

— Хочешь посмотрѣть,—заѣдемъ.

— Это недалеко?

— Недалеко—всего версты двѣ-три, не больше.

— И интересно?

— И интересно.

— Но гдѣ же, собственно, школа-то? я не вижу.

Онъ указалъ мнѣ рукою, и, вглядѣвшись въ сѣроватую даль, я дѣйствительно замѣтилъ чуть-чуть виднѣвшіяся зданія и крыши фермы, которая сегодня подъ солнцемъ почти сливалась съ этой равниной.

Но глазъ съ трудомъ могъ различать постройки отъ построекъ, и я, подстрекаемый любопытствомъ, приказалъ ямщику свернуть съ дороги къ этой школѣ, желая познакомиться съ нею подробнѣе.

„Какъ странно, думалъ я, спускаясь пѣшкомъ съ горы:—согласить сельское хозяйство и бродячаго вольнаго киргиза, культуру, образованіе—и бродячую жизнь номада“...

Спускъ съ горы конченъ; мы садимся въ экипажъ; киргизъ-ямщикъ пускаетъ лошадей, и мы въ широкой долинѣ, потомъ сразу поворачиваемъ съ тракта въ сторону и ѣдемъ внизъ, вдоль горной, мутной, каменистой рѣчки.

Она запружена, и мы видимъ, какъ чья-то опытная рука земледѣльца направила ея воды по арыку, который несетъ ее на поля. Вотъ и они передъ нами, съ высокими подсолнухами, арбузами, съ суслонами сжатой пшеницы, побѣжали вдоль дороги, которая постоянно пересѣкала скрытыя подъ нею канавки. Но не успѣли мы полюбоваться полями, какъ вдругъ проглянула изъ-за зелени высокая будка метеорологической станціи и еще другія постройки, и не прошло и десяти минутъ, какъ мы лихо подкатили къ крыльцу главнаго дома степной фермы.

Хорошій, просторный, низенькій домъ; рядомъ—ограда съ садомъ и прудомъ; дальше—еще какія-то хозяйственныя строенія, въ полѣ—скотъ, спутанныя лошади, телята, овцы. Мы съ удовольствіемъ, видя эту знакомую картину нашего помѣщика, входимъ въ домъ и скрываемся въ его прохладѣ отъ солнца.

Насъ встрѣчаетъ помощникъ смотрителя. Самого смотрителя нѣтъ дома. Помощникъ говоритъ, что это „ничего“, и радушно предлагаетъ осмотрѣть школу, предупреждая, что въ ней не ведется теперь классныхъ занятій.

Мы снова выходимъ подъ палящіе лучи солнца.

Широкій дворъ и пара длинныхъ, низкихъ зданій, впереди —небольшой, уже разрастающійся садъ, позади—скотныя пристройки, и посреди ограды—арба, въ которую запряженъ такой здоровый,

откормленный волъ, какихъ я еще не видалъ въ этой степи; на волѣ верхомъ работникъ. И этотъ бурый быкъ и всадникъ въ бѣлой рубахѣ и въ тюбетейкѣ, съ смуглымъ лицомъ и черными любопытными глазами, были такъ оригинальны, что я не утерпѣлъ и снялъ съ нихъ моментальную фотографію себѣ на память.

На просторномъ дворѣ то тутъ, то тамъ появлялись какія-то фигуры, то тутъ, то тамъ показывался красный сарафанъ. Вотъ и куры и голуби посреди двора, вотъ и веселые воробьи на крышѣ. И все это, облитое яркимъ свѣтомъ солнца, начиная съ глиняныхъ построекъ и пологихъ крышъ и кончая раскинутымъ вдали на косогорѣ сжатымъ полемъ и бродячими овцами, такъ живо напоминало наши россійскія южныя помѣщичьи усадьбы, что мнѣ невольно показалось, что я не въ киргизской степи, а гдѣ-нибудь въ Бессарабской губерніи.

Мы направились къ большому, длинному зданію и попали въ большую свѣтлую комнату, которая, видимо, была классной.

По стѣнамъ висѣли карты полушарій и Европейской Россіи и нѣсколько картинъ изъ быта русской деревни; черныя доски, счеты, чернильницы говорили, что и здѣсь идетъ то же преподаваніе, какое извѣстно нашей любой народной или городской школѣ.

Мы перешли въ другое помѣщеніе, гдѣ было

общежитіе и спальня, потомъ перешли и въ третье помѣщеніе, гдѣ была столовая, и застали за столомъ обѣдающихъ учениковъ школы.

Нашъ приходъ былъ для нихъ неожиданностью, но мальчики быстро нашлись и встали. Ихъ было болѣе десятка; въ сѣрыхъ суконныхъ курточкахъ, съ стрижеными головами, смуглые, съ черными бойкими глазами, они показались намъ сначала похожими на нашихъ гимназистовъ, но при ближайшемъ осмотрѣ выдающіяся скулы и скошенные немного глаза выдавали типъ монгола.

Все здоровыя, загорѣлыя, крѣпкія лица, красивыя фигуры, въ которыхъ не было обычной въ нашихъ школахъ угловатости, застѣнчивости и скучнаго вида. Видимо, дѣти жили на здоровой пищѣ и на хорошемъ воздухѣ.

Я обратился къ нѣкоторымъ съ вопросами. Они бойко отвѣтили на хорошемъ русскомъ языкѣ. Я спросилъ ихъ, довольны ли они своимъ положеніемъ. Они весело отвѣтили: „Довольны“ и разсказали, сколько и когда они учатся, какъ и когда они расходятся на хозяйственныя работы.

Оказалось, у нихъ масса самой разнообразной, интересной работы: они работаютъ въ столярной, а зимою и въ пимокатной; они сѣютъ, жнутъ, косятъ и убираютъ свои образцовыя поля; они возятъ на волахъ воду и жатву; они лѣчатъ, ухаживаютъ за скотомъ и птицею, молотятъ, вѣютъ и сортируютъ и даже мелютъ хлѣбъ на своей во-

дяной маленькой мельницѣ; у нихъ есть садъ и огородъ, полный овощей, сѣмена которыхъ выписаны изъ столицы; у нихъ оказалась даже собственная своя пасѣка и рыба въ пруду,—словомъ, почти все, что только можно было устроить въ этой странѣ, подъ этимъ климатомъ, что только можно надѣяться впослѣдствіи привить къ бродячему киргизу, чтобы сдѣлать изъ него осѣдлаго крестьянина.

Когда мы осмотрѣли почти всѣ постройки школы, я спросилъ объ ея оборотахъ, запашкѣ и содержаніи. Оказалось, что съ рабочими, скотомъ, учебниками, содержаніемъ учителей, смотрителя, прислуги все это стоитъ всего только 5.000 рублей въ годъ, потому что здѣсь почти все свое, добытое своими руками.. У фермы много земли, и ежегодно засѣвается хлѣбомъ до 50 десятинъ.

Киргизы старательно учатся и, повидимому, охотно присутствуютъ на хозяйственныхъ работахъ, но въ сущности равнодушны къ сельскому хозяйству, и сколько бы вы ихъ ни интересовали имъ, сколько бы вы ихъ ни привязывали разными способами, они, вырвавшись изъ школы, быстро все позабываютъ и дѣлаются снова тѣми же дикими киргизами, даже позабывая порою и самый русскій языкъ.

Это было неожиданно для меня и странно, но это такъ, по словамъ смотрителя,—ученики школы уже черезъ годъ становятся неузнаваемыми и такъ

Рис. 6. Киргизъ, везущій на зиму сѣно.

же, какъ дикіе киргизы, живутъ въ своихъ палаткахъ при стадѣ, увлекаются лошадьми и скачутъ по степи, даже смѣнивъ русскую одежду на полосатый киргизскій халатъ.

— Отчего это? спросилъ я смотрителя.

— Я думаю оттого, что они въ душѣ дикари, и какъ вы ни учите этого дикаря, какъ вы ни привлекайте его къ землѣ и земледѣлію, онъ все же останется дикаремъ, потому что ему дороже всего привольныя степи. Кромѣ того, продолжалъ онъ, — ихъ смущаютъ ихъ муллы и болтовня и сплетни. Они еще до сихъ поръ неохотно отдаютъ своихъ дѣтей для образованія, боясь, что съ русскимъ языкомъ и осѣдлостью ихъ будутъ брать въ солдаты; и наконецъ, у нихъ есть и другія еще привязанности.

— Какія же?

— Они женаты, наши ученики, у нихъ дома остались маленькія жены.

Я удивился.

— Да, это вѣрно: ихъ женятъ очень рано, молоденькими, потому что старше женить—страшно дорого для киргиза. Кромѣ того, говорятъ, они лучше поэтому сживаются, играя еще въ дѣтствѣ съ своими женами.

Такова эта киргизская школа и ея ученики.

Простившись со школою и отправившись дальше въ дорогу, я невольно задумался о будущности ея, и она казалась мнѣ не особенно веселой.

Вдругъ на поворотѣ дороги мы встрѣтили караванъ повозокъ. Сначала я думалъ, что это киргизскія арбы, но оказалось, что это наши переселенцы.

Это была цѣлая партія ихъ, тянувшаяся на жительство въ эти горы изъ Россіи; на возахъ не только сидѣли бѣлокурые мальчики и дѣвочки и матери ихъ и сестры, но были и плуги, и бороны, и наши сохи, безмолвно говорившія о томъ трудѣ, который переселенцы несутъ съ собою въ эту пустыню киргиза.

И намъ стало ясно будущее и этой школы и этой страны, которая скоро, съ наплывомъ русскихъ, сдѣлается населенною, и киргизъ, теперь вольный, свободный, тогда стѣсненный полями русскихъ, поневолѣ займется тоже осѣдлой жизнью и хлѣбопашествомъ, невольно вспомнивъ, чему его учили въ школѣ.

Странная для нихъ теперь, она не будетъ странной въ будущемъ, и они охотнѣе, чѣмъ теперь, поведутъ туда своихъ дѣтей, охотнѣе станутъ учить ихъ сельскому хозяйству и наукѣ и охотнѣе, наконецъ, сами измѣнятъ свою жизнь и обычаи.

Чуть ли не въ тотъ же памятный день меня судьба завела въ одну палатку киргиза, сынъ котораго какъ разъ, оказалось, учится въ этой школѣ.

Мы разговорились съ привѣтливымъ, богатымъ, добрымъ киргизомъ, и онъ подтвердилъ мою мысль, что ихъ жизни придется скоро измѣниться.

Они уже теперь нуждаются въ полуосѣдлой жизни, и многіе изъ нихъ, у кого стадо мало, уже присѣваютъ немного пшеницы и овса для своей нужды. Но пока ихъ некому научить, какъ это дѣлать, и у многихъ изъ нихъ даже нѣтъ простой арбы и они свозятъ снопы къ своимъ палаткамъ на жердяхъ, которыя прикрѣпляютъ для этого къ горбамъ своихъ сытыхъ быковъ. Но большинство изъ нихъ и до настоящаго времени остается еще у стада и, какъ бы оно ни было невелико, какъ бы оно ни было скромно, продолжаютъ и до сихъ поръ пасти его въ своихъ степяхъ, которыя уже сильно сокращаются наплывомъ русскихъ.

Пока мы разговаривали въ юртѣ, молодая дѣвушка приготовила на дворѣ горячій кумысъ, и мы съ удовольствіемъ утолили съ дороги жажду, которая насъ и загнала въ эту палатку.

Я спросилъ, что это за дѣвушка. И довольный киргизъ сказалъ, что это жена его учащагося сына, которая, пока онъ учится, прекрасно замѣняетъ въ домѣ хозяйку.

Дѣвочка была очень хорошенькая и, заслышавъ, что говорятъ про ея маленькаго мужа, скрылась, такъ что мнѣ даже не привелось спросить ее, скучаетъ ли она о немъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы снова были на пыльной дорогѣ, и нашъ экипажъ быстро катился среди бѣлыхъ, чуть-чуть синеватыхъ подъ вечеръ горъ.

III.

Вогульскій почтальонъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я жилъ у вогуловъ, въ маленькой деревушкѣ, состоявшей всего изъ двухъ юрточекъ, въ сосновомъ бору, на берегу обширнаго глухого озера. Ко мнѣ раза два въ мѣсяцъ прибѣгалъ, зимой на лыжахъ, а весной пѣшкомъ, молодой вогулъ Водя съ сумкой за пазухой. Этотъ юркій, бойкій вогулъ съ широкимъ добродушнымъ лицомъ, вѣчно съ ружьемъ за спиной и безъ шапки, въ которой, казалось, не нуждалась его курчавая голова, былъ мой почтальонъ, благодаря которому я и могъ знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ...

Такъ какъ кругомъ моей юрточки былъ лѣсъ, то Водя появлялся всегда неожиданно, словно онъ падалъ откуда съ сосны. Появится подъ окнами, зайдетъ въ юрточку, кивнетъ весело головой и начнетъ снимать съ себя маленькую кожаную сумочку, которую онъ неизмѣнно пряталъ за пазуху сѣраго армяка. Вытащитъ ее оттуда, раскроетъ, вынетъ берестяный свертокъ (онъ всегда изъ пре-

Рис. 7. Лѣтняя берестяная хижина вогула.

досторожности завертывалъ мои газеты и письма еще въ бересто, чтобы не промочить) и подастъ мнѣ этотъ берестяный свертокъ въ руки, улыбаясь. Я разверну его, и въ немъ—и письма отъ родныхъ и друзей и газеты со всего свѣта.

Боже, какое счастье получить такую почту въ такихъ лѣсахъ!

Разумѣется, Водя у меня—почетный гость. Онъ снимаетъ сѣрый армякъ, бродни, остается босикомъ, въ одной красной рубахѣ, пьетъ чай, ѣстъ бѣлый хлѣбъ, сладости, и внимательно смотритъ, какъ я читаю письма и газеты, вѣроятно, угадывая по моему лицу, приносятъ ли они мнѣ удовольствіе или горе.

А потомъ, когда первый пылъ любопытства утоленъ, когда я узнаю все, что есть интереснаго въ этой пачкѣ газетъ и писемъ, я откладываю ихъ въ сторону, чтобы насладиться ими еще разъ и, быть-можетъ, много разъ послѣ, и разспрашиваю своего гостя, какъ онъ ходилъ къ русскимъ, за почтой.

Эти русскіе, куда онъ отправлялся за почтой раза два въ мѣсяцъ изъ своей волости, жили далеко, по крайней мѣрѣ, верстъ за 200, и тамъ была совсѣмъ другая страна, чѣмъ здѣшняя, окружавшая меня. И потому было крайне любопытно узнать, что онъ тамъ слышалъ и видѣлъ. И хотя у Води никогда не было большихъ новостей,—слышалъ, что гдѣ-то сгорѣло село, потерялся въ лѣсу человѣкъ, уйдя за грибами,—но эти новости были

всегда цѣнны въ его устахъ, такъ какъ дышали правдивостью и такими объясненіями, которыя ясно показывали, что Водя все оцѣнивалъ по своему. Такъ, по мнѣнію Води, человѣка, который ушелъ и заблудился и котораго теперь ищутъ, увелъ шайтанъ за то, что онъ не былъ справедливъ и былъ жестокъ съ животными; деревня погорѣла тоже изъ-за шайтана, которому не поклонились ея жители; человѣкъ утонулъ за то, что не далъ жертвы водяному богу; вогула придавило деревомъ за то, что онъ былъ злой...

Нужно сказать, что Водя былъ язычникъ и вѣровалъ въ дьяволовъ больше, чѣмъ наши суевѣрныя старухи.

Но всего интереснѣе были разсказы про то, какъ онъ носитъ почту съ нашей рѣки на другую. Это настоящія путешествія съ приключеніями иногда такого свойства, что при разсказѣ даже становилось страшно за Водю, и приходилось удивляться, какъ только онъ еще остался живъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, волостнымъ почтальономъ.

Какъ онъ попалъ въ вогульскіе почтальоны, я не знаю, но я прекрасно помню нѣкоторые его разсказы, которые и передамъ здѣсь читателю.

* * *

Обыкновенно Водю призывали въ волость къ писарю только тогда, когда уже была готова почта,—

маленькій пакетъ, завернутый въ сѣрую или какую другую бумагу, съ большой красной печатью, на которую обязательно, для вящаго вниманія его, прикрѣплялись сургучомъ два небольшихъ перышка, наглядно говорившія, что это казенная почта, денежная и „летучая“, что ее надо какъ можно скорѣе и аккуратнѣе доставить въ русское ближайшее, но на самомъ дѣлѣ отдаленное селеніе, гдѣ была другая волость, уже сносящаяся на лошадяхъ съ остальнымъ громаднымъ свѣтомъ.

Эта волость была за рѣками, рѣчками, болотами, озерами и такими страшными урманами-лѣсами безъ дорогъ, что, казалось, была совсѣмъ на другомъ свѣтѣ... И если туда вела тропинка, маленькая тропиночка между высокими соснами и густыми вѣтками темной ели и могучихъ кудрявыхъ кедровъ, то только, казалось, ее зналъ и проторилъ одинъ Водя и никто больше.

И вотъ, по этой тропѣ и долженъ былъ Водя носить и, быть-можетъ, носитъ и теперь еще почту.

Онъ являлся въ свою волость къ писарю, готовый немедленно пуститься въ путешествіе: въ сѣромъ короткомъ армякѣ, въ бродняхъ, которыя онъ купилъ у русскихъ въ дальнемъ селѣ на заработанныя деньги, и обязательно съ ружьемъ, старымъ, коротенькимъ, обрѣзаннымъ ружьемъ за спиной, и безъ шапки. И если была зима, то онъ надѣвалъ на себя сверху малицу, а если было

лѣто,—то на голову комарникъ, красный платок
съ сѣткой, и такъ отправлялся въ дальній путь

Ему выдавали бумаги; онъ вкладывалъ ихъ в
бересто, а бересто клалъ въ сумку; ему наказы-
вали доставить все это какъ можно скорѣе и во-
ротиться обратно съ почтой, и онъ безшумно вы-
ходилъ изъ маленькаго, всего въ десять-пятнад-
цать домиковъ, села, какихъ много въ Сибири,
и исчезалъ за первыми же вѣтками развѣсистой ели.

И вотъ, начинался его путь.

Село родное осталось позади, и онъ одинъ въ
дремучемъ лѣсу. Тихо. Темно. Жутко. Громадныя
сосны стоятъ высокими, длинными, желтыми, го-
лыми стволами; громадныя ели раскинули свои
темныя вѣтви, какъ навѣсы зеленые, до самой
земли. Въ кедровомъ лѣсу еще темнѣе, тише. Травы
почти нѣтъ. Цвѣтовъ—ни одной головки. Всюду
темнота, тишина, сырость, и только слышенъ по
временамъ гулъ вершинъ, да кой-гдѣ треснетъ
сучокъ или вдругъ закричитъ сорвавшійся съ вѣт-
ки черный, съ красной головкой, дятелъ. И ознобъ
пробѣжитъ невольно по спинѣ бѣднаго путника,
который, торопливо озираясь, держась одной ру-
кой за ложе ружья, неслышно идетъ по чуть за-
мѣтной тропинкѣ, переступая съ одного корня де-
рева на другой, словно пигмей какой въ этомъ
громадномъ лѣсу.

Верста, двѣ, три, пять такого пути,—и онъ тя-
жело опускается на какой-нибудь корень сосны у

Рис. 8. Въ тайгѣ.

встрѣчнаго, давно знакомаго, говорливаго ручейка, у котораго онъ привыкъ останавливаться, отдыхать, къ которому онъ торопится, какъ къ родному брату.

И сидитъ онъ, задумавшись, откуда бѣжитъ этотъ ручеекъ, куда, въ какую рѣку, сколько омываетъ стволовъ душистой смородины и черемухи по своему логу и сколько поитъ пестрыхъ безпечныхъ рябчиковъ, которые любятъ селиться вдоль ручьевъ и летать по кустамъ черемухи, сзывая другъ друга звонкимъ свистомъ.

Чу, что-то прошумѣло недалеко въ лѣсу... „Звѣрь, медвѣдь или проворная бѣлка?“ И почтальонъ схватывается уже за ружье.

Затихло. Больше ни звука. Но какая-то оторопь беретъ его, и онъ торопится покинуть знакомый ручеекъ, который ничего ему не сказалъ новаго и остался такимъ же таинственнымъ, какъ былъ, убѣгая дальше въ зеленую чащу лѣса.

Опять тишина лѣса и путь между стволами, опять крикъ дятловъ и трескъ сучковъ, которые, Богъ вѣсть отчего, трескаются и пугаютъ нашего почтальона.

Онъ увѣренъ, что это пугаютъ его злые лѣсные духи, которые слѣдятъ за нимъ, быть можетъ, гонятся, чтобы онъ что-нибудь имъ далъ. И онъ, въ простотѣ своего дѣтскаго сердца, которое смотритъ своими глазами на внѣшній міръ, порой бросаетъ кусочекъ бумаги, ниточку изъ своего

армяка, кусокъ трута изъ своей дорожной сумки съ огнивомъ, клокъ волосъ изъ своей малицы... И ему кажется, что духи успокоились, довольны, отстали, перестали пугать, и онъ смѣлѣе идетъ впередъ.

Но вдругъ онъ остановился. Что-то подозрительное треснуло въ сторонѣ. Онъ застываетъ на одномъ мѣстѣ, боясь пошевелиться... и слышитъ, какъ пошелъ, побѣжалъ вспугнутый имъ звѣрь, — можетъ-быть, лось, можетъ-быть, олень, которыхъ такъ много въ лѣсу,—зачакавъ копытами... Побѣжалъ,—и снова стало тихо и мертво, и только холодный потъ на лбу свидѣтельствуетъ о томъ, что пережилъ въ одну секунду нашъ бѣдный, одинокій путникъ.

* * *

Но не все ужасы,—есть и удовольствія на его пути.

На сучкѣ, надъ самой головой, сорвалась съ мѣста засидѣвшаяся тетеря, заклокала, перелетѣла на другое дерево, на другой сосновый сукъ, и тяжело сѣла. Водя присѣлъ; ружье уже скинуто съ плеча, курокъ взведенъ. И онъ начинаетъ подкрадываться къ ней, прячется за ближайшій стволъ, прижимается къ нему, наводитъ дуло, и въ темномъ лѣсу раздается звукъ выстрѣла, который громкимъ эхомъ раскатывается далеко, далеко по бору... Пестрая тетеря срывается съ сучка; дѣлаетъ

усиліе подняться на воздухъ, но ее что-то тянетъ книзу; она дѣлаетъ неловкое движеніе, суется внизъ головой и комкомъ летитъ внизъ, ломая сучья, и падаетъ, какъ камень...

Счастливый, улыбающійся стрѣлокъ уже тутъ; онъ нагибается, поднимаетъ красивую, пестренькую тетерку съ посыпанной сосновыми иглами земли и минуту любуется ею.

И лѣсъ, и вѣтка ели, и вершины сосенъ тоже словно застыли послѣ выстрѣла и смотрятъ, что случилось, смотрятъ внизъ на стрѣлка съ птицей въ рукѣ и дымящимся ружьемъ у толстаго ствола ели.

Вотъ и ужинъ нашего почтальона.

Онъ никогда не беретъ съ собой провизіи въ дорогу. Во-первыхъ, это лишняя тяжесть, во-вторыхъ, у него въ юртѣ нѣтъ и куска хлѣба порой, такъ какъ вогулъ не особенно привыкъ къ такому кушанью русскаго человѣка и пока вполнѣ довольствуется рыбой и мясомъ, что онъ добываетъ въ своихъ рѣкахъ и лѣсахъ.

Но зато у нашего Води есть котелокъ за поясомъ, соль въ маленькомъ мѣшечкѣ и кремень съ трутомъ, съ которымъ онъ не замерзнетъ даже зимой, въ этомъ лѣсу.

* * *

День прошелъ; лѣсъ кончился на берегу знакомаго озера, и Водя останавливается на ночевку.

Въ лѣсу ему было бы страшно ночевать; но на берегу рѣки или озера ему даже чудесно, онъ словно дома и радъ простору воды, широкому горизонту послѣ вѣчныхъ передъ глазами стволовъ сосны и ели и окружающей тишины и полумрака. Здѣсь хорошо: здѣсь шепчутъ ему что-то непонятное волны, ударяясь о берегъ, здѣсь плещется рыба около берега, носятся стада говорливыхъ утокъ...

Изъ старыхъ сучковъ ели готовъ костеръ. Ножомъ настрагиваетъ Водя стружекъ для разжиганія огня, по вогульскому обычаю, и костеръ вспыхнулъ, поднялъ къ нему столбъ чернаго дыма и заговорилъ, зашумѣлъ, красиво отражаясь въ водѣ озера. Оно на минуту словно застыло, увидавъ на берегу человѣка; птица замолкла, лебедь прозвучалъ успокоительнымъ голосомъ; гусь крякнулъ и замолкъ въ камышахъ, чайки засмотрѣлись, прилетѣвъ къ самому берегу, и начали безшумно кружиться. И Водя - не одинъ, онъ среди окружающихъ друзей, и варитъ себѣ ужинъ изъ вкусной тетерки, пустивъ ея перо и пушокъ по водѣ и по вѣтру.

Солнце садится. Надъ озеромъ поднимается сизая дымка. Птица засыпаетъ, лѣсъ позади — тоже, и только рыба одна не хочетъ успокоиться подъ этимъ, хотя и ночнымъ, но свѣтлымъ лѣтомъ небомъ, плавая около самаго берега и ловя падающихъ на воду метлячковъ и мошекъ.

Водя вынимаетъ сѣтку изъ укромнаго мѣста въ кустахъ, куда онъ спряталъ ее, какъ на свою станцію, еще ранней весной, и ставитъ ее у берега на колышки, чтобы словить бродячую ночью щуку или серебристаго язя.

Ловушка поставлена. Наступаетъ ночь. Усталость сказывается, и Водя спокойно ложится спать, свернувшись подъ неизмѣнный свой азямъ, у самаго костра, разгорѣвшагося на цѣлую ночь.

Безъ костра Водя и всякій вогулъ не будетъ спать ночью въ лѣсу: по берегамъ лѣтомъ тамъ любятъ бродить бурые медвѣди, и только огонь да хорошая собака можетъ спасти человѣка ночью, когда найдетъ на него случайно или не случайно этотъ лихой звѣрь.

* * *

Водя разсказалъ мнѣ слѣдующій случай, какой съ нимъ былъ даже при огнѣ на берегу этого озера.

Разъ онъ остановился на этой ночевкѣ. Костеръ горѣлъ около. Была темная осенняя ночь. Вдругъ онъ проснулся, услыхавъ, какъ треснула въ лѣсу, недалеко, сухая вѣтка. Сѣлъ и сидитъ, слушаетъ, думая, кто бы это могъ ступить такой тяжелой ногой на вѣтку? Проходитъ минута, двѣ. Тихо. И снова трескъ, но уже съ другой стороны...

„Медвѣдь"! думаетъ Водя; тихонько придвигаетъ онъ себѣ ружье и начинаетъ въ него, сверхъ заряда дроби, толкать скатанную зубами пулю. У него всегда на случай есть пули въ маленькомъ кожаномъ, сшитомъ изъ оленьяго уха кошелькѣ, который онъ носитъ вмѣстѣ съ натруской-пороховницей.

— Только что затолкнулъ я шомполомъ пулю, разсказывалъ онъ,—какъ снова треснуло, но уже съ противоположной стороны... Это медвѣдь пришелъ, и обходитъ меня кругомъ, и высматриваетъ въ темнотѣ, какъ бы меня напугать и съѣсть. Я подкинулъ вѣтку въ потухавшій костеръ, и онъ вспыхнулъ... Смотрю, а „онъ" (вогулы никогда не зовутъ медвѣдя его именемъ, а всегда—„онъ", считая его за божество), а „онъ" стоитъ позади костра и смотритъ на меня блестящими глазами... Ничего не видно, а глаза видно: горятъ, какъ двѣ свѣчи.

„Ты зачѣмъ пришелъ? закричалъ я ему,—я тебя не боюсь!" и давай махать ружьемъ и кричать, что есть силы... А „онъ" стоитъ и смотритъ на меня; вижу, хочетъ съѣсть. Страшно мнѣ... Видалъ и бивалъ медвѣдей, только не одинъ на одинъ и не ночью... Схватилъ я головешку и бросилъ прямо въ него... Рявкнулъ онъ и отошелъ. И тихо стало. И долго его нѣтъ. Я легъ опять было спать. Только легъ, какъ снова треснуло и такъ близко, что я сразу вскочилъ на

ноги и закричалъ... Смотрю, а „онъ“, поганый, стоитъ совсѣмъ близко и смотритъ на меня, хочетъ съѣсть... Схватилъ я тогда ружье, направилъ на него и бацъ... Только трескъ пошелъ по лѣсу, какъ онъ понесся отъ меня въ сторону... Рявкаетъ да бѣжитъ, рявкаетъ да ломаетъ сучья... И убѣжалъ, проклятый, далеко, и я спалъ до утра уже спокойно.

Что же, утромъ ты смотрѣлъ, куда попала пуля?

Въ его попала, въ самого его, только, вѣрно, плохо хватила, обмѣтился... а кровь я нашелъ, такъ по дорогѣ кровь и набрызгана, какъ я его стегнулъ пулей. Оно у меня, указалъ онъ на свое обрѣзанное ружье,—бьетъ мѣтко... И съ любовью посмотрѣлъ на него, какъ на вѣрнаго друга въ пути.

— Что же ты не слѣдилъ его? Навѣрное, онъ ушелъ недалеко, завалился или пропалъ?

— Куда я пойду слѣдить его безъ собаки? Развѣ можно? Учуетъ, тогда не спуститъ; живо насядетъ на тебя и давай кусать руки и ноги...

— Развѣ онъ всегда руки и ноги кусаетъ?

— Больше руки и ноги, потому онъ звѣрь умный, знаетъ, что не будь у человѣка рукъ, онъ бы не стрѣлялъ, не будь ногъ, онъ бы не ходилъ по его лѣсу... Ружье тоже кусаетъ, знаетъ, что оно всему виной; онъ сильно его боится...

— А что, онъ съѣлъ бы тебя тогда, если бъ ружья не было? спрашиваю его.

— Пожалуй, съѣлъ бы. Онъ ѣстъ, кто неладно живетъ, не по правдѣ...

— Развѣ ты не по правдѣ жилъ?

— Гдѣ по правдѣ,—тоже, случается, и украдешь когда...

— Что?

— Рыбу чужую когда вынешь изъ ловушки голодный, утку изъ плетенки...

— Это нехорошо, замѣтилъ я Водѣ.

— Знаю, что неладно... почесалъ онъ затылокъ,—когда голоденъ, тогда какъ?

* * *

Въ другой разъ Водя на самомъ этомъ мѣстѣ видѣлъ другого страшнаго и не менѣе опаснаго звѣря—лося.

— Только пришелъ я, разсказывалъ онъ, на этотъ берегъ, сижу, еще усталъ, смотрю, а въ самой водѣ у берега голова торчитъ съ рогами... Лѣто было жаркое. Комаровъ пропасть. Черно. Жужжатъ такъ, что голоса не слышно, и звѣрь отъ нихъ зашелъ въ воду и стоитъ, помахиваетъ ушами по водѣ. Уши у него большущія, вотъ съ рукавицу мою будутъ! показалъ онъ мнѣ свою мохнатую собачью рукавицу.—Что дѣлать? Если стрѣлять мимо, —затопчетъ, если бѣжать,—дого-

Рис. 14. Самоѣды.

нитъ и будетъ бодать... А онъ меня уже замѣтилъ. Смотритъ, фыркать уже сталъ, сердиться... Вижу, сталъ выходить... Схватилъ я ружье, затолкнулъ, не затолкнулъ хорошенько пулю и бацъ въ него, какъ въ стѣну.. какъ онъ на меня фыркнулъ и побѣжалъ... прямо на меня бросился... только брызги полетѣли... Я за сосну. Онъ мимо. Воротился да опять ко мнѣ... Я легъ за колоду... Онъ черезъ нее... только труха полетѣла.

— Зачѣмъ же ты легъ за колоду? спрашиваю.

— Мы отъ него всегда ложимся за дерево, чтобы онъ не залягалъ.

— Ну?

— Ну, онъ леталъ, леталъ черезъ меня, видитъ, что ничего взять съ меня нельзя, фыркнулъ и убѣжалъ.

— Попалъ въ него?

— Какъ же! Хватило. Въ самую лопатку...

— Пропалъ?

— Пропалъ. Послѣ я ходилъ на обратномъ пути по слѣду, нашелъ, и не далеко, всего версты полторы будетъ. Лежитъ, языкъ прикусилъ, брюхо вздуло. Страсть, какой громадный...

— Что же ты съ нимъ сдѣлалъ?

- Я съ нимъ два дня возился...

— Что такъ долго?

- Обдиралъ кожу, пялилъ ее, сушить поставилъ къ дереву...

— А мясо?

— Мясо разрѣзалъ на куски, сдѣлалъ между двумя соснами полати, высоко, чтобы „онъ“ не забрался, и туда все стаскалъ вялить. Языкъ съѣлъ, губу унесъ въ котомкѣ писарю; онъ далъ мнѣ за нее полтинникъ и подарилъ табаку четверку. Съ ногъ содралъ кожу на лыжи себѣ... До этой поры еще дюжатъ.

— Какъ же съ мясомъ ты послѣ сдѣлался?

Послѣ съ дядей, по осени, ходили на лыжахъ съ санками, недѣлю вытаскивали...

— Много мяса было?

— Хватило бы на цѣлую зиму, если бы не проклятая россомаха...

— А что?

— Повадилась, какъ-то забралась подъ самую осень и поѣла.

— Какъ же ты не словилъ ее?

— Гдѣ ее словишь? Хитрая! Я ставилъ капканъ, –нейдетъ, а ружье оставить на караулѣ жалко: „онъ“ придетъ и поломаетъ.

* * *

Вообще у Води было неистощимое количество разсказовъ про эти путешествія; то онъ разскажетъ мнѣ, какъ онъ встрѣтился разъ съ стадомъ оленей, изъ которыхъ, гоняясь за ними на лыжахъ по насту, твердому, заледенѣлому снѣгу, онъ убилъ въ какіе-нибудь полчаса пять штукъ; то

разскажетъ, какъ онъ разъ попалъ на сокола и стрѣлялъ его, когда онъ летѣлъ надъ его головой, какъ вѣтеръ, по вершинамъ сосенъ; то какъ онъ гонялся за рысью, которую засталъ какъ разъ въ то время, когда она только что словила бѣднаго бѣлаго зайца въ кустахъ ивняка и стала его душить и онъ заревѣлъ, какъ ребенокъ... Разсказовъ у него про охоту множество, и видно было, что онъ выбралъ себѣ должность почтальона только изъ-за этой страсти: шляться вѣчно по лѣсу и охотиться и любоваться привольемъ птицы и звѣря...

А любоваться онъ любилъ: онъ не разъ мнѣ разсказывалъ, что прежде, чѣмъ выпустить первый зарядъ въ стадо оленей, онъ лежитъ передъ ними за кочкой, наблюдая, какъ они пасутся, какъ хрюкаетъ около матери молодой теленокъ, какъ она его лижетъ влажнымъ языкомъ, утѣшая, когда его мучатъ назойливые комары; онъ разсказывалъ, какъ любовался поющимъ рябчикомъ, смотрѣлъ на качающуюся на сучкѣ ели бѣлку...

* * *

Проснувшись раннимъ утромъ, когда еще надъ озеромъ синѣетъ туманъ, онъ тотчасъ же вытаскивалъ свою сѣточку, которую ставилъ съ вечера, и вынималъ изъ нея попавшуюся рыбу.

Рыбы въ этомъ озерѣ пропасть, какъ вообще и во всѣхъ озерахъ сибирской тайги. И вотъ у

нашего почтальона и завтракъ изъ поджаренной на кострѣ нельмы или язя и уха изъ окуней и налимовъ.

Всходитъ между тѣмъ солнце, туманъ поднимается, и нашъ почтальонъ снова, махнувъ ружье чрезъ плечо, отправляется въ путь.

Теперь ему нужно переѣхать озеро. Онъ садится въ свой маленькій челнокъ, который съ весны прячетъ въ кустахъ ивняка или въ темныхъ камышахъ берега, беретъ остроконечное весло и смѣло идетъ поперекъ озера къ дальнему берегу, который синѣется подъ первыми лучами солнца изъ-за тумана.

Хорошо на озерѣ въ тихую погоду: поверхность, какъ зеркало, весло ровно опускается. Но совсѣмъ другая бываетъ картина, когда дуетъ хотя маленькій вѣтерокъ, который поднимаетъ уже большое волненіе. Тогда долбленый челнокъ изъ ствола осины ныряетъ, какъ чайка; волны заглядываютъ въ него черезъ бортъ, и нашъ почтальонъ сурово молчитъ, слѣдя за каждой волной, которая готова его потопить. Тогда нужно умѣнье и ловкость. И Водя не даромъ страшно боится воды этихъ озеръ, которыхъ на его пути попадается нѣсколько, и каждый разъ, садясь въ лодку, бросаетъ хотя косточку рыбы въ воду, чтобы умилостивить водяное божество, которое, онъ увѣренъ, давно ждетъ только случая, чтобы погубить его невинную душу...

Рис. 10. Рогулы въ своей лодкѣ.

Но вотъ онъ переѣхалъ озеро, вытащилъ на берегъ челнокъ, спряталъ его въ кусты и снова пошелъ тропинкой въ темный, сумрачный лѣсъ.

Опять тишина бора, тревожный крикъ чернаго дятла, клокотанье тетерки, опять подозрительный трескъ сучьевъ въ лѣсу отъ неизвѣстной причины и невольная дрожь въ тѣлѣ... И такъ не одинъ день, а три, четыре.

Скучно станетъ одному Водѣ въ лѣсу, и онъ запоетъ пѣсню.

Онъ не знаетъ пѣсенъ, какъ мы, онъ поетъ о томъ, что видитъ передъ глазами: передъ нимъ тихій лѣсъ,—и онъ поетъ о тишинѣ, красотѣ этого лѣса; передъ нимъ зеркальное озеро и его челнокъ,—и онъ поетъ о челнокѣ и о томъ, какъ онъ ѣдетъ по этой зеркальной поверхности воды... Онъ поетъ о всемъ, что поражаетъ его своей красотой въ природѣ.

* * *

И вотъ такъ, то по лѣсамъ, то въ переѣздахъ чрезъ озера проходитъ весь путь нашего почтальона чрезъ тайгу, и онъ вдругъ выходитъ на большую рѣку и видитъ маленькое село и церковь.

Это уже другой край, русскій, съ русскими избами, мало похожими на юрты, съ русскими лицами, не похожими на вогуловъ, съ русскою рѣчью, съ другими обычаями, съ другой вѣрой... Своего рода за-граница для Води, новый край и

чуждый, изъ котораго онъ торопится всегда какъ можно поскорѣе опять въ лѣсъ, къ себѣ, въ юрты.

„Эй, ты, вогулъ!“ кричатъ ему въ догонку деревенскіе ребятишки. „Эй, ты, чумазый!“ говоритъ ему подвыпившій мужикъ, смѣясь надъ его темнымъ, загорѣлымъ лицомъ... И Водя не знаетъ, за что его преслѣдуютъ эти люди, которымъ онъ не дѣлаетъ зла, и зачѣмъ надъ нимъ смѣются... И онъ торопится поскорѣе въ волость, сдать почту, получить другую въ обмѣнъ и уйти изъ этого негостепріимнаго села, гдѣ даже никто его не покормитъ даромъ...

Единственное для него удовольствіе здѣсь — это зайти въ лавку и купить чего-нибудь: ситцу на рубашку, чаю, табаку или сахару; но и тутъ его обсчитаютъ такъ, что онъ пять верстъ на обратной дорогѣ прикидываетъ въ умѣ, за что съ него взяли такую кучу мѣдныхъ денегъ.

* * *

Таковъ его лѣтній путь. Совсѣмъ другое бываетъ ранней весной и поздней осенью.

Рѣчки разливаются; озера стоятъ съ продырявленнымъ льдомъ, черезъ который опасно перескакивать даже привычному ко всему вогулу; болота полны холодной водой, и нашъ почтальонъ долженъ волей-неволей брести съ своей кожаной сумкой цѣлыя версты по водѣ и порой даже проваливаться и тонуть въ ямахъ.

Весна—это для него чистое горе: голодный медвѣдь только что поднялся изъ берлоги и готовъ всякаго съѣсть; рыбы въ озерѣ не добудешь въ разливы; въ лѣсу нѣтъ ни ягодъ, ни груздей, и только одни рябчики распѣваютъ по кустамъ, гдѣ ихъ въ это время можно набить изъ ружья сколько хочешь.

Немного удовольствій бываетъ для Води и осенью: холодный вѣтеръ пронизываетъ его легкую одежду, дождь мочитъ, сыплется временемъ снѣгъ, и руки зябнутъ такъ, что, случись встрѣча съ медвѣдемъ, онъ даже не будетъ въ состояніи оборониться. Въ это время не только скучно въ лѣсу, но и страшно: звѣрь голоденъ, опасливъ, въ лѣсу видно далеко; на озерахъ случается просиживать цѣлые дни, чтобъ дождаться, когда утихнетъ волна.

Но вотъ падаетъ первый бѣлый пухлый снѣжокъ. Водя встаетъ на лыжи, и въ лѣсу и свѣтлѣе и веселѣе. Теперь медвѣдь уже легъ въ берлогу, звѣрь ушелъ въ самую чащу, и только бѣлка одна да соболь порой еще прошелестятъ гдѣ въ вершинѣ, надъ вспугнувшимъ ихъ путникомъ, который весело бѣжитъ себѣ на лыжахъ между громадными стволами сосенъ, которыя словно хотятъ прикрыть его отъ перваго холодка широкими вѣтвями, уже сплошь запушенными снѣгомъ.

Зима—лучшее время для Води. У него нѣтъ уже ружья, у него нѣтъ и сумки черезъ плечо, она лежитъ въ санкахъ,—и онъ не бредетъ уже

теперь одинокій, а лихо несется на тройкѣ оленей поднимая позади себя облако снѣжной пыли.

Теперь то разстояніе, которое онъ проходилъ въ три-четыре дня, онъ коротаетъ въ сутки, онъ уже не спитъ у озеръ на берегу съ огнемъ и не отдыхаетъ у ручьевъ и рѣчекъ. Путь знакомъ, олени привычны, санки легки, и онъ лежитъ себѣ, пустивъ ихъ на волю, распѣвая про это низкое сѣрое небо, про сѣверныя сіянія, которыя ему теперь освѣщаютъ путь.

Теперь совсѣмъ другіе виды по дорогѣ: лѣсъ закутанъ въ снѣжныя покрывала, вѣтви наклонились подъ тяжестью снѣга, около стволовъ громадныхъ сосенъ вѣтеръ надулъ сугробы. Озера и не узнать: все сплошь покрылъ ледъ и бѣлый снѣгъ, и даже берегъ тотъ, гдѣ ночевалъ, бывало, Водя, можно узнать только по тому, что тамъ осталось два шестика, на которыхъ онъ ставилъ свои сѣтки.

Теперь и село, въ которое онъ носилъ свою почту, не тѣмъ кажется: все занесено снѣгомъ, и ребятишки уже не встрѣчаютъ его обиднымъ прозвищемъ, а бѣгутъ за нимъ, когда онъ вихремъ, поднимая снѣжную пыль за санками, проносится по ихъ улицѣ на тройкѣ своихъ сѣрыхъ оленей и лихо подкатываетъ къ волостному правленію.

Живъ ли теперь Водя, я не знаю. Но я каждый разъ какъ-то невольно вспоминаю его, когда въ мою комнату заходитъ почтальонъ съ сумкой

и протягиваетъ мнѣ пачку писемъ и газетъ. И мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ я простился съ нимъ, уѣхалъ изъ его лѣсовъ сюда, въ другой свѣтъ, мнѣ уже никогда не читались такъ пріятно ни письма ни газеты. Тамъ это было что-то болѣе цѣнное, чѣмъ здѣсь, словно лѣсъ, чрезъ который онъ проносилъ на себѣ эти вещи, вносилъ въ нихъ свою долю очаровательности, свою тишину, покой, покрывалъ какой-то чарующей дымкой тѣ событія, которыя случались въ другомъ, совершенно для него чуждомъ свѣтѣ.

IV.

Вогульская школа.

Я путешествовалъ въ странѣ вогуловъ, настоящихъ дикарей, которые вотъ уже болѣе трехсотъ лѣтъ никакъ не хотятъ, повидимому, поддаться вліянію русскихъ, перенять ихъ жизнь, и упорно отстаиваютъ въ своихъ лѣсахъ свою самобытность.

Я давно знаю этихъ дикарей, и они всегда меня поражали своей замкнутой оригинальной жизнью. Старинный лукъ вмѣсто ружья, вѣчная охота на звѣря и рыбная ловля, скитанье по лѣсамъ и водамъ, жизнь привольнаго охотника и все та же бревенчатая маленькая юрточка вмѣсто нашей крестьянской избы. А между тѣмъ, недалеко, всего верстахъ въ ста, въ русскихъ селахъ, даже среди ихъ деревушекъ протекаетъ съ ея обычаями и обстановкой русская жизнь, которая, кажется, могла бы научить ихъ лучшему, чѣмъ жизнь вѣчно бродячаго человѣка.

Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я ихъ наблюдаю, а не замѣтно, чтобы этотъ народъ перени-

Рис. 11. Село Нахрачи.

малъ русскую жизнь. Но школа привилась къ нимъ быстро и крѣпко.

Школу, съ которой я хочу познакомить читателей, я встрѣтилъ въ ихъ маленькомъ селѣ Нахрачахъ.

Нахрачи—центръ вогульской жизни, главное село на ихъ рѣкѣ Кондѣ, по которой они живутъ изстари, подъ Сѣвернымъ Ураломъ.

И что это за центръ, что это за село!

Всего десятка съ полтора маленькихъ юрточекъ съ нѣсколькими русскими домами, гдѣ живетъ священникъ и русскій торгашъ и гдѣ помѣщаются волость и станція для пріѣзжающихъ чиновниковъ и начальства. Посреди ихъ бѣдный, деревянный, еще новый храмъ съ маленькой, невысокой колоколенкой. Кругомъ лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ, громадный, почти нетронутый сосновый лѣсъ, изъза котораго только уже при самомъ въѣздѣ въ село вы и замѣчаете, къ вашему удивленію, храмъ и постройки, словно чудомъ какимъ очутившіяся среди этого дремучаго бора.

Первое зданіе, которое попадается при въѣздѣ въ село, и есть школа.

Вы напрасно стали бы искать вывѣски; ея нѣтъ, и она не нужна, потому что всѣ въ селѣ знаютъ, гдѣ находится училище. Дороже вывѣски—тропинка, пробитая съ улочки въ школу.

Эта школа меня удивила, когда я пріѣхалъ теперь въ село. Раньше ея не было и въ поминѣ.

И вдругъ школа, школа у вогулъ, и даже на видъ настоящая, съ веселенькими окнами, съ торной тропой въ сугробахъ, съ веселымъ крылечкомъ у воротъ.

Разумѣется, я первымъ долгомъ, какъ только обогрѣлся съ дороги, пошелъ въ эту школу.

* * *

Когда я вошелъ туда, тамъ какъ разъ шли занятія. Небольшая классная комнатка пріятно поразила меня своей чистотою; въ углу висѣла большая икона, между окнами на передней стѣнкѣ — новый портретъ Государя, сбоку—часы и стоялъ шкапъ, а противъ маленькаго столика для учительницы, посреди комнаты стояли совсѣмъ новыя черныя парты.

Насъ встрѣтила молодая дѣвушка-учительница, и дѣти, по ея знаку, тотчасъ же привстали съ мѣстъ, отвѣчая учтиво на мой поклонъ. Ни робости, ни застѣнчивости. Видно было, что школа привыкла къ посѣтителямъ. Мы вглядываемся въ дѣтей и замѣчаемъ двѣ народности. Одни изъ нихъ, очевидно, дѣти русскихъ: въ сѣренькихъ пиджачкахъ, пимикахъ, въ ситцевыхъ рубашкахъ, дѣвушки въ бѣлыхъ фартучкахъ и коротенькихъ платьицахъ, какъ всюду. Другія, видимо, мѣстныя: холщевыя рубашки и болѣе скромный костюмъ, черные жесткіе волосы и выдающіяся скулы, приплюснутый носъ и смуглое круглое лицо, выраже-

ніе болѣе равнодушное, спокойное, тогда какъ дѣти русскихъ, съ ихъ бѣлыми, розовенькими личиками и курчавыми волосами, видимо, бойки, любопытны и отзывчивы.

Я заглянулъ въ тетради учениковъ, такъ какъ былъ урокъ правописанія; оказалось, что всѣ дѣти довольно правильно копируютъ, слѣдя, какъ учительница пишетъ слово „Богъ“ на черной доскѣ передъ ними. Одна дѣвочка-вогулка съ черными глазами и маленькою косичкою пишетъ лучше прочихъ.

Послѣ урока мы разговорились съ учительницей. Она оказалась изъ г. Березова, только что кончила гимназію въ Тобольскѣ и охотно поѣхала въ эту тайгу. Она здѣсь совершенно одна, если не считать дѣвушки-вогулки, которая живетъ у нея прислугою. Здѣсь немного скучно, такъ какъ почта получается только два раза въ мѣсяцъ; но она такъ занята своими дѣтьми, что не замѣчаетъ времени, тѣмъ болѣе, что этотъ маленькій народъ уже полюбилъ ее, слушается безпрекословно, хорошо учится и охотно проводитъ съ ней все время и послѣ уроковъ.

Много было хлопотъ съ маленькими дикарями: они не только не умѣли сказать слова по-русски, но даже не умѣли сидѣть на стульяхъ, и ей пришлось на первыхъ порахъ учить ихъ этому. Русскому языку, благодаря способности вогуловъ, она научила ихъ довольно скоро, запретивъ говорить

въ школѣ по-вогульски; но выучить ихъ сидѣть на стульяхъ, какъ это ни странно, довольно долго ей не удавалось, потому что дѣти вогулъ привыкли сидѣть по-татарски, на корточкахъ, и постоянно валились со стульевъ на полъ. Тогда она стала привязывать ихъ ноги къ ножкамъ табуретокъ, и теперь они сидятъ уже не падая съ табуретокъ.

Дѣтей-вогуловъ сначала очень смущали часы: имъ все казалось, что тамъ сидитъ кто-то, и только послѣ того, какъ имъ показали механизмъ и объяснили, что тутъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, они, видимо, успокоились и не стали вздрагивать и пугаться громкаго боя.

Потомъ немало было хлопотъ съ тѣмъ, чтобы объяснить взрослымъ вогуламъ, для чего и для кого устраивается эта школа; простодушные дикари думали, что тутъ *можно учиться и взрослымъ*, и даже приводили, когда имъ понравилась школа и польза ея стала понятна, учениковъ, которымъ было лѣтъ за двадцать... И нужно было долго имъ объяснять, что такихъ взрослыхъ учить вмѣстѣ съ маленькими неудобно, что это вообще не принято. Дикари же хотѣли настоять на томъ, чтобы въ ихъ школѣ учили и такихъ, у которыхъ пробивались уже усы, и выставляли довольно основательно на видъ то, что, уча маленькихъ, нельзя оставлять неучеными большихъ.

Послѣ второго урока—чтенія меня пригласили

въ комнату учительницы. Одно окошечко упирается въ высокій бѣлый сугробъ; вдали видны вершины лѣса; въ переднемъ углу образокъ, подъ нимъ узенькая кроватка подъ одѣяльцемъ, съ парой бѣлыхъ подушечекъ съ вышивками, напротивъ—печь, на столѣ—двѣ какія-то книжечки, и въ углу въ шкапу классная библіотека, стоящая вся 16 рублей. Убого, бѣдно, но чисто, и хозяйка этой комнатки не нахвалится на исправность смуглянки-вогулки, которая имѣетъ одинъ только недостатокъ, что ни слова не знаетъ по-русски.

Это единственная компаніонка учительницы, которая никуда не выходитъ, и единственное развлеченіе этихъ дѣвушекъ—бѣганье на лыжахъ.

Намъ интересно было узнать, кого считаетъ учительница способнѣе,—русскихъ или вогуловъ.

Ея надежды на сторонѣ вогуловъ, потому что они, не зная въ началѣ ученія ни слова по-русски. всего въ четыре мѣсяца сравнялись по успѣхамъ съ русскими, а одинъ мальчикъ-вогулъ даже лучше всѣхъ учится.

Хорошіе результаты даетъ и пѣніе: оказывается, что вогулы большіе пѣвуны по природѣ: не имѣя пѣсенъ, они въ импровизаціяхъ воспѣваютъ свою угрюмую, но милую имъ природу, а теперь охотно поютъ съ учительницей молитвы и пѣсенки и съ удовольствіемъ ходятъ въ мѣстную церковь пѣть на клиросѣ, приводя въ восхищеніе своихъ матерей и отцовъ.

Были уже сумерки, когда я покинулъ вогульскую школу, первую школу на рѣкѣ Кондѣ. Декабрьскій день коротокъ, и занятія кончаются при огнѣ. Когда я, сойдя съ крыльца среди толпы учениковъ-вогуловъ, направился по тропѣ къ юртамъ, мнѣ казалось, что стало свѣтлѣе въ этомъ лѣсу и отраднѣе въ этой глухой трущобѣ.

Рис. 12. Самоѣдъ Урко.

V.

Пасха среди самоѣдовъ.

Въ 1889 году мнѣ привелось встрѣтить Пасху на берегу студенаго Карскаго моря.

Я путешествовалъ тогда по Новой Землѣ, описывалъ берега, острова, заливы, и не замѣтилъ, какъ подошла послѣдняя недѣля Великаго поста. Я торопливо закончилъ послѣднія работы и готовился завтра или послѣзавтра въ обратный путь къ своей колоніи, какъ вдругъ рано утромъ, наканунѣ нашего отъѣзда я изъ палатки услыхалъ зловѣщій шумъ вѣтра въ горахъ, вѣрный предвѣстникъ наступающей бури...

Дѣйствительно, не прошло и нѣсколькихъ часовъ послѣ этого, какъ море зашумѣло, ледъ заскрипѣлъ, горы потемнѣли, проливъ подернулся словно дымомъ отъ поднятаго въ воздухъ снѣга, и вихри одинъ за однимъ стали срываться съ высокихъ горъ и падать прямо на мою парусинную легкую палаточку, грозя ее снести въ море. Заревѣлъ буранъ, закружила пурга, застонало море,

и мы ясно увидѣли, что намъ не попасть домой къ Свѣтлому празднику.

Но это было еще не все, чѣмъ наградила насъ передъ праздникомъ капризная сѣверная природа: къ ночи буря смѣнилась тепломъ, съ юга нагнало темныхъ облаковъ, теплый вѣтеръ и маленькій дождь, шедшій всю ночь, сдѣлали свое дѣло, и, когда мы вышли на другой день посмотрѣть, что творится на дворѣ, то весь проливъ былъ покрытъ уже глубокой наледью, а ближайшія горы такъ чернѣли своими крутыми скатами и террасами, словно на этомъ полярномъ островѣ уже наступило настоящее лѣто.

Хотя погода скоро и стихла, но думать о возвращеніи, когда предстояло пройти цѣлыхъ сто верстъ по такому проливу, было уже нельзя, и мы волей-неволей рѣшили встрѣтить Пасху на берегу этого моря.

Насъ было достаточно, чтобы весело или, по крайней мѣрѣ, нескучно встрѣтить этотъ праздникъ: кромѣ меня и моего вѣрнаго проводника, самоѣда Вылки, съ нами была его молодая жена, хозяйка нашего походнаго жилища, одинъ молодой самоѣдъ и маленькій мой другъ, сынъ нашей хозяйки,—Тыко, съ которымъ мы были самыми неразлучными друзьями уже цѣлыхъ два года. Этотъ Тыко всегда съ тоской провожалъ меня глазами, когда я съ его отцомъ отправлялся на собакахъ куда-нибудь вдаль по берегу моря для работы, и

сто разъ въ теченіе дня выбѣгалъ изъ чума посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ насъ на дальнемъ берегу моря. Однажды я почему-то отсталъ отъ его отца на обратномъ пути; Тыко, встрѣтивъ отца одного, такъ расплакался, что его едва могли утѣшить, увѣряя, что я долженъ скоро вернуться. А въ другой разъ мы убили бѣлаго медвѣдя, и отецъ Тыки привезъ его къ чуму въ то время, когда я долженъ былъ тихонько тащиться сзади пѣшкомъ, такъ какъ мѣста въ саняхъ мнѣ не хватило. Тыко поднялъ такой крикъ ужаса, думая, что я погибъ въ схваткѣ съ страшнымъ звѣремъ, что его не могли успокоить вплоть до того времени, когда я самъ появился на порогѣ.

Съ нами было десятка полтора разношерстныхъ, мохнатыхъ самоѣдскихъ псовъ, на которыхъ мы ѣздили и съ которыми мы храбро бросались на бѣлыхъ медвѣдей и благодаря которымъ мы только и были сыты и двигались, куда хотѣли. Безъ нихъ мы не проводили ни минуты: когда мы были въ чумѣ, болѣе смѣлые изъ нихъ располагались съ нами рядомъ; когда мы обѣдали, сидя на шкурахъ оленя, они смотрѣли намъ въ ротъ; когда мы выходили на улицу, они лизали намъ руки и скакали на грудь, выражая безъ словъ, что они насъ любятъ.

Эти наши вѣчные спутники въ правѣ были считаться нашими друзьями. Но кромѣ собакъ, у насъ еще была пара существъ, которыя тоже

должны были играть свою роль въ торжествѣ,— это пара маленькихъ, толстыхъ, мохнатыхъ, бѣлыхъ медвѣжатъ, которыхъ мы только что нашли въ глубокой снѣжной берлогѣ на берегу въ то время, когда ихъ сердитая мать ушла въ море, вѣроятно, думая словить тамъ для нихъ глупаго тюленя. Мы вытащили ихъ изъ холодной снѣжной берлоги, засунули за просторныя пазухи малицъ *), привезли въ чумъ, и съ той поры они жили съ нами, днемъ привязанные къ колышкамъ, чтобы ихъ не соблазнило родное ледяное море, а ночью спущенные въ чумѣ, гдѣ они спокойно спали вмѣстѣ съ нами и собаками, грѣя порой наши ноги.

Этихъ медвѣжатъ мы страшно любили; они скоро привыкли къ намъ, лизали руки, ползали по нашимъ спинамъ, валялись, какъ щенята, воровали тихонько изъ котла у нашей хозяйки мясо и такъ дружно жили съ собаками, словно они и вѣкъ были въ ихъ веселомъ шумномъ обществѣ.

Итакъ, насъ было самое разнообразное общество, чтобы весело провести праздникъ. Заботило насъ только то, что у насъ не было ничего мясного, такъ какъ изъ всей наличной провизіи, взятой про запасъ, остались къ этому времени одни ржаные сухари, нѣсколько кренделей да чай.

Но и эта забота о мясномъ кушаньи скоро разрѣшилась: мы съѣздили на собакахъ наканунѣ

*) Шуба изъ оленьихъ шкуръ, только безъ полъ, надѣваемая, какъ рубашка.

праздника въ море и убили пару прекрасныхъ морскихъ утокъ.

Наступила Святая ночь. Погода стихла; вершины горъ ясно обрисовались на свѣтлой зарѣ; море—какъ зеркало; въ воздухѣ тишина. Воспоминанія дѣтства такъ и вѣютъ чѣмъ-то давно забытымъ на душу, которая хочетъ радоваться въ эту ночь и любить...

Тяжело встрѣчать такіе праздники далеко отъ родныхъ, на чужбинѣ, хотя и съ друзьями, и я, чтобы убѣжать отъ этихъ думъ, поднимаюсь, беру топоръ, зову съ собой самоѣдовъ, и мы ѣдемъ на берегъ моря, отыскиваемъ тамъ выброшенное водою дерево и дѣлаемъ изъ него большой крестъ.

Ночь на Новой Землѣ въ это время бываетъ не такая темная, какъ у насъ въ Россіи; въ апрѣлѣ тамъ солнце уже не закатывается; всю ночь свѣтло, какъ раннимъ утромъ передъ восходомъ солнца, и мы не больше, какъ въ часъ времени, приготовили крестъ, принесли его къ своей палаткѣ и водрузили среди кучи камней, прикотивъ къ нему на время маленькій дорожный образокъ съ восковой свѣчкой. Потомъ мы идемъ обратно въ чумъ и садимся къ костру, который ярко горитъ, поджаривая морскихъ жирныхъ утокъ и освѣщая пріятеля моего Тыко и его мать, которая хлопочетъ, чтобы устроить намъ достойное розговѣнье.

До полночи уже недалеко, и я беру Святое Евангеліе, раскрываю его и начинаю читать самоѣдамъ то, что пишетъ про эту ночь евангелистъ Лука.

Святыя, трогательныя страницы: пещера съ воинами, стерегущими пречистое тѣло Христа, жены-мvроносицы, спѣшащія ко гробу Спасителя, ангелъ въ бѣлыхъ ризахъ, встрѣчающій ихъ у отваленнаго съ гроба камня, и радостная вѣсть всему міру, что Спаситель воскресъ! Самоѣды сидятъ кругомъ и слушаютъ, слушаютъ, по своему воображая это величайшее чудо въ мірѣ. Рядомъ со мною сидитъ Тыко, и, взглядывая на него, я вижу, что онъ пораженъ, тронутъ этимъ событіемъ, которое ближе становится въ эту святую ночь человѣку, которое въ эти минуты становится понятнымъ даже непросвѣщенному дикарю.

Самоѣды разспрашиваютъ меня про воскресеніе Христа; они въ первый разъ слышатъ о немъ, оно поразило ихъ, глаза ихъ блестятъ. Я вижу это и, едва удерживая слезы, разсказываю имъ нѣсколько разъ своими словами, стараясь яснѣе передать, про это величайшее событіе христіанскаго міра. И въ нашемъ бѣдномъ, небольшомъ, жалкомъ чумѣ изъ оленьихъ шкуръ словно появилось какое счастье, какъ и тамъ, гдѣ теперь молятся милліоны русскихъ простыхъ людей въ освѣщенныхъ храмахъ со свѣчами въ рукахъ, отвѣчая шумнымъ возгласомъ священнику въ блестящей ризѣ: „Воистину воскресе!“ „Воистину воскресе!“

Я смотрю на часы: полночь. Мы выходимъ на улицу, становимся на колѣни передъ деревяннымъ крестомъ на берегу моря, затепляемъ передъ образомъ свѣчу; я читаю Святое Евангеліе и христосуюсь съ своими друзьями, съ которыми мнѣ привелось встрѣтить Пасху...

— Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! говорю я имъ, и они отвѣчаютъ:

— Воистину воскресе! Воистину воскресе! и цѣлуются со мною и другъ съ другомъ, какъ настоящіе христіане. Раздается залпъ ружей. Эхо гремитъ и откликается въ морѣ, и кажется, вѣсть о трогательной минутѣ разносится по всему этому пустынному острову и замираетъ далеко, далеко въ океанѣ.

Псы встревожены и не знаютъ, что случилось, почему такой шумъ и пальба; наши медвѣжата перепуганы выстрѣлами и бѣгутъ прочь отъ нашего жилища, а мы, умиленные, идемъ отъ креста въ чумъ, заползаемъ подъ его прикрытіе и снова садимся кругомъ веселаго, пылающаго костра дружной семьей. Виситъ скипѣвшій чайникъ, и накрытъ бѣлоснѣжной салфеткой столъ, на которомъ лежатъ жареныя утки. Я вынимаю изъ чемодана послѣдніе крендели, которые прибе-регалъ для нашего Тыко, зная, что для него это высшее лакомство въ свѣтѣ, и бутылку коньяку, и мы весело начинаемъ разговляться, даже не думая, что намъ не хватаетъ краснаго яичка и

пасхи, безъ которыхъ никто не разговляется въ эту радостную ночь.

И черезъ какіе-нибудь полчаса наше бѣдное походное жилище уже шумитъ такимъ весельемъ, какое сроду еще не бывало на этомъ пустынномъ островѣ. Костеръ горитъ, поминутно раздаются ружейные выстрѣлы, направленные въ верхнее отверстіе чума, откуда на насъ смотритъ веселое съ легкими облачками небо; чай и закуска переходятъ изъ рукъ въ руки; псы привлечены лакомымъ запахомъ и сидятъ кругомъ насъ, ожидая косточки, и, вѣроятно, соскучившись одни на улицѣ, важно входятъ въ чумъ наши бѣлые Мишки и прямо направляются въ кругъ, требуя себѣ долю угощенья.

Мы даемъ имъ дорогу; они смѣло подходятъ къ самому столу, и лапы ихъ, толстыя, широкія, мохнатыя, милыя лапы съ черными когтями, спрятанными въ блестящую бѣлую шерсть, осторожно заносятся на столъ и тащатъ съ него остатки вкусныхъ морскихъ утокъ.

Мы любуемся ими, даемъ имъ сахару; Тыко дѣлится съ ними даже бѣлымъ кренделемъ и цѣлуетъ ихъ такъ, словно это его братья.

Наша хозяйка ставитъ въ третій разъ чайникъ на огонь. Разговоры неистощимы. Я разсказываю самоѣдамъ, какъ встрѣчается этотъ праздникъ въ Россіи, передаю имъ всѣ мелочи этой ночи въ селѣ: видъ храма, пѣніе, толпу, восходъ солнца,

которое скачетъ на горизонтѣ, радуясь въ этотъ день, восторгъ народа; и они слушаютъ меня, сидя кругомъ вмѣстѣ съ бѣлыми медвѣдями, и глядятъ на меня оживленными глазами, удивляясь вѣрѣ русскаго человѣка, который такъ радуется тому великому событію, которое было чуть не два тысячелѣтія тому назадъ.

Мы долго просидѣли, долго проговорили въ эту памятную ночь. Я помню, что Тыко уже спалъ на колѣняхъ своей матери; я помню, что спали около насъ и бѣлые медвѣжата, растянувшись у самаго костра, которымъ ихъ пригрѣло: я помню, что спали и собаки,—когда среди разговора вдругъ проглянуло въ чумъ веселое, яркое солнышко и бросило на насъ свои красные лучи.

И это солнце прыгало, кружилось, скакало совершенно такъ же въ это утро, какъ я когда-то, помню, видалъ его въ дѣтствѣ въ этотъ день, выходя изъ храма, послѣ ранней обѣдни, подъ шумный звонъ колоколовъ. И мнѣ показалось, что оно радуется, что и здѣсь оно встрѣтило тѣ же веселыя лица, какъ и на родинѣ, говорящія, что воскресъ Спаситель.

VI.

Наши инженеры.

Изъ жизни на Новой Землѣ.

Эту милую пару бѣлыхъ медвѣжатъ мнѣ привезла моя кума, Таня Логай, маленькая черноглазая самоѣдка.

Я давно мечталъ пріобрѣсти себѣ пару маленькихъ бѣлыхъ медвѣжатъ. У меня въ колоніи уже жилъ молодой тюлень въ кадочкѣ съ соленою водою, постоянно требовавшій, когда къ нему подойдешь, рыбы жалобными стонами; въ комнатѣ, какъ бѣлый котъ, давно уже проживалъ бѣлый песецъ,—полярная шустрая лисичка, которая вѣчно ссорилась по ночамъ съ моимъ псомъ изъ-за мѣста на моей постелѣ; на вышкѣ домика привезенные еще осенью жили сизые голуби, залетавшіе порой за кормомъ въ комнату; былъ у меня бѣлобрюхій пингвинъ, а въ стеклянной вазѣ на столѣ моего кабинета жила парочка милыхъ леммінговъ, но до сихъ поръ не было у меня этихъ пассажировъ льдовъ,—и вотъ они у меня, и моя коллекція пополнена, и всѣ мы страшно этому рады.

Когда живешь по цѣлымъ годамъ на такомъ пустынномъ островѣ, не видя по году свѣжаго человѣка, почти одинъ, на берегу моря, не получая по десяти мѣсяцевъ въ году письма, поневолѣ окружаешь себя вмѣсто людей обществомъ животныхъ, потому что все же они скрашиваютъ жизнь и замѣняютъ собой недостающее общество, не говоря уже о томъ, какъ пріятно бываетъ наблюдать ихъ, какъ трогательны бываютъ порой ихъ привязанности къ человѣку.

И вотъ, это общество не то плѣнниковъ, не то свободныхъ гражданъ полярной земли увеличилось милой парой бѣлыхъ медвѣжатъ, которыхъ привезла намъ молодая дѣвушка.

Не знаю, какъ это случилось, что мы сразу, какъ только ихъ пригласили въ кухню покормить, прозвали ихъ почему-то „инженерами“. Потому ли, что намъ было смѣшно, какъ они серіозно стали обнюхивать стѣны нашего жилища, потому ли, какъ они потѣшно, съ осторожностью, словно какіе эксперты, обошлись съ горшкомъ щей, который мы имъ предложили на первое время, или почему иному,—я не помню; но помню, что это прозвище такъ всѣмъ понравилось, такъ подошло къ этой милой парѣ умныхъ звѣрьковъ, что всѣ приняли его, и даже нашъ „кокъ“, поваръ Мишка, взявшій ихъ сразу подъ свое особенное покровительство и, вѣроятно, никогда и не видавшій настоящихъ инженеровъ въ своемъ Поморьѣ, и тотъ

согласился съ этимъ, и когда они съ ловкостью очистили горшокъ щей, онъ сказалъ: „Вотъ такъ инженеры, не надо и мыть... Настоящіе инженеры!“ И наши бѣлые гости такъ и пошли съ той поры за „инженеровъ“, даже самоѣды—и тѣ звали ихъ не иначе, какъ „инженерами“.

Таня Логай, моя кума, тринадцатилѣтняя дѣвушка, привезла намъ этихъ „инженеровъ“ прямо съ Карскаго моря, гдѣ добыли ихъ ея отецъ и братъ.

Старикъ Логай вѣчно жилъ наособицу отъ всѣхъ самоѣдовъ и обязательно не только на лѣто, но и на зиму убирался куда-нибудь подальше и, какъ старый песецъ, устраивалъ свою снѣжную нору на какомъ-нибудь выдающемся мысу въ морѣ. Устроится тамъ, окопается кругомъ снѣгомъ и сидитъ съ своими ребятами; а ихъ у него было семь душъ. И оттуда съ возвышеннаго мѣста, какъ настоящій песецъ, и дѣлаетъ набѣги то на льды моря, то въ горы. Выйдетъ изъ своей норы, прищуритъ узкіе, хитрые глазки и смотритъ кругомъ и по мѣрѣ того, какъ онъ все оглядываетъ, смотрятъ туда же и его умные псы, съ которыми онъ охотится, и смотришь, что-нибудь высмотритъ, запряжетъ ихъ—и маршъ, и обязательно что-нибудь притащитъ ребятамъ.

Такъ, вѣроятно, было и тогда, когда онъ, недѣлю тому назадъ, отправился въ горы съ своими собаками и разыскалъ тамъ въ сугробѣ снѣжную

дыру, около которой кругомъ на небольшое разстояніе снѣгъ былъ сплошь утоптанъ маленькими мохнатыми ножками бѣлыхъ медвѣжатъ, которые выходили изъ норы порѣзвиться. Мать ихъ онъ тутъ же убилъ, а за ними слазилъ въ нору, запряталъ ихъ въ свою просторную пазуху и такъ и привезъ домой, къ радости и восторгу своихъ ребятишекъ.

Но такъ какъ кормить ихъ было нечѣмъ, то онъ командировалъ ко мнѣ свою дочь Таню съ этими кавалерами, и вотъ она и явилась ко мнѣ, очень довольная порученіемъ и возможностью напиться у меня чаю.

Она одна проѣхала болѣе ста верстъ по Маточкину проливу и ничего, говоритъ, никого не боялась, потому злыхъ людей тутъ не водится, а бѣлыхъ медвѣдей она не боится, потому что уже не разъ на нихъ охотилась съ братомъ и такъ стрѣляетъ изъ кремневаго ружья, которое теперь съ ней, привязано ремешками къ ободку санокъ, что дастъ любому изъ насъ по очку впередъ... Она только жалуется, что „инженеры“ не особенно были спокойны въ дорогѣ: никакъ не хотѣли бѣжать сами за санками, а когда она ихъ сажала рядомъ съ собой, то они были очень недовольны тѣмъ, что ихъ встряхивало на сугробахъ, и рявкали и хватались за ея расшитую сукнами и ленточками малицу, даже костюмъ ей подрали...

И вотъ, теперь она у насъ въ гостяхъ пьетъ

чай, раскраснѣвшись съ дороги, а ея пассажиры бродятъ по комнатѣ, привлекая поминутно наши взоры то своими широкими, мохнатыми, съ черными когтями лапами, которыми они боязливо, осторожно все ощупываютъ, то своими умными мордочками съ черными, совсѣмъ не злыми глазами, которыми они на насъ взглядываютъ, словно спрашивая, что это такое и гдѣ они. Ихъ не стѣсняетъ наше шумное общество, а также любопытный песецъ, который осторожно обнюхиваетъ ихъ сзади; если что имъ кажется подозрительнымъ, такъ это присутствіе пса-леонбергера, который не особенно привѣтливо ихъ встрѣтилъ еще на улицѣ, а здѣсь, въ комнатѣ, положительно ревнуетъ, особенно, когда мы выставили имъ горшокъ щей.

* * *

И вотъ, Таня получаетъ за „инженеровъ“ бутылку добраго вина, деньги для ея отца, себѣ за труды—морозовскій платокъ, разныя мелочи для маленькихъ братьевъ, въ придачу еще мѣшокъ крупы въ гостинцы своей матери и ѣдетъ на свою „Карскую сторону“, и наши „инженеры“ остаются у насъ и дѣлаются жителями нашей маленькой, одинокой колоніи на берегу моря.

Матросы дѣлаютъ для нихъ ледяной домикъ; нашъ кокъ Мишка заказываетъ самоѣдамъ достать тюленьяго жира побольше для варева, и „инженеровъ“ мы садимъ въ ледяной дворецъ, привя-

зываемъ на цѣпи на ночь, чтобы они не отправились на пловучихъ льдахъ отыскивать свою молодую хозяйку, которую они проводили со стонами и жалобнымъ, печальнымъ ревомъ...

Это необходимо, какъ говорятъ наши самоѣды, потому, что собаки нашей колоніи еще не привыкли къ новымъ жителямъ и могутъ ихъ задрать. Но эта предосторожность скоро дѣлается излишней: „инженеры“ забываютъ о Танѣ Логай и такъ привязываются къ намъ, что нѣтъ смысла ихъ держать и ночью на привязи, днемъ же они и не думаютъ отъ насъ отходить. Если они удалились немного, то стоитъ только послать Мишку: онъ, съ ловкостью пластуна, подкрадывается къ нимъ изъ-за сугроба и такъ пугнетъ ихъ вывороченной своей малицей, что они безъ ума, пофыркивая и порявкивая, бѣгутъ поскорѣе къ дому, встаютъ потѣшно на дыбы и убираютъ свои черныя пяты въ сѣни, окончательно приводя въ веселое настроеніе всю нашу колонію... И Мишка-кокъ дѣлаетъ это такъ ловко и съ такой любовью, потѣшая насъ этими сценами медвѣжьяго испуга, что „инженеры“ скоро окончательно бросаютъ мысль о дальнихъ прогулкахъ и держатся уже вблизи дома, около нашихъ собакъ.

Черезъ недѣлю это—уже обычные жители колоніи. Они до тонкости изучаютъ наши привычки: когда я утромъ, въ 7 часовъ, добываю огонь въ своемъ кабинетѣ, надѣваю малицу и теплыя пимы

и выхожу въ сѣни съ фонарикомъ въ рукѣ, чтобы посмотрѣть на метеорологическіе инструменты, „инженеры“ уже ждутъ меня, жмутся ко мнѣ, что-то разсказывая, и стараются лизнуть руки и загораживаютъ мнѣ путь. Они каждое утро сопровождаютъ меня на метеорологическую будку: когда я залѣзаю на нее, они слѣдуютъ съ ловкостью акробатовъ туда же по лѣстницѣ; когда я отсчитываю градусники и вожусь съ минимальнымъ термометромъ, они стоятъ и смотрятъ, что тутъ такое; когда я освѣщаю флюгеръ, чтобы посмотрѣть и узнать, откуда и какой силы вѣтеръ, они глядятъ туда же; когда я спускаюсь и иду на ледъ, чтобы сдѣлать отсчетъ морской температуры, они сидятъ со мной рядомъ у проруби; я иду къ почвеннымъ термометрамъ и вынимаю ихъ изъ мерзлой почвы,—они присутствуютъ, какъ ассистенты, и только тогда уже бѣгутъ съ радостью впередъ, потѣшно переваливаясь и перегоняя другъ друга, зная, что дѣло кончено и я иду въ домъ и пущу теперь ихъ въ заповѣдную кухню, гдѣ спитъ ихъ другъ кокъ.

Не пустить ихъ не возможно: они лѣзутъ, какъ только отворяешь дверь, подъ ноги, отдираютъ двери своими лапами, поднимутъ ревъ и стонъ, если оставишь на улицѣ, и не дадутъ спать никому... Когда я впускаю ихъ въ кухню, они оставляютъ меня довольные, и въ то время, когда я иду дѣлать записи въ метеорологическую книжку,

Рис. 13. Чумъ самоѣда Урко.

готовый снова повалиться въ теплую кровать, они отправляются изслѣдовать кухню, и слышно, какъ облизываютъ наши сковороды, тазы, роняютъ ухваты и лопаты и гложутъ кости вчерашняго ужина, уже обглоданныя нашимъ псомъ.

Но такъ какъ всего имъ хватаетъ ненадолго, то они начинаютъ будить своего друга Мишку, который лягается, бранится, посылаетъ ихъ „ко всѣмъ чертямъ“, пока они его не ублажатъ покорными голосами и облизываніемъ его голыхъ пятъ и рукъ, каковая нѣжность окончательно измѣняетъ его настроеніе духа, и онъ пробуждается и начинаетъ съ ними имъ однимъ понятные разговоры... Потомъ слышно, какъ онъ начинаетъ класть дрова въ печку и ее растапливать; потомъ онъ идетъ за тюленьимъ мясомъ въ кладовую, возится съ большимъ чугуномъ, въ которомъ онъ варитъ имъ каждое утро щи, и во все время „инженеры“ ведутъ себя прекрасно: не стонутъ, не просятъ, не мурлыкаютъ, терпѣливо дожидаясь завтрака, увѣренные, что Мишка ихъ не обманетъ.

Но когда въ кухнѣ станетъ распространяться запахъ тюленьяго кушанья, они начинаютъ обнаруживать нѣкоторую тревогу, и онъ выпроваживаетъ ихъ въ сѣни, прося обождать, уговаривая ихъ быть терпѣливыми, пока онъ не вынесетъ имъ завтракъ.

Завтракъ „инженеровъ“ — самое любопытное зрѣлище нашего утра. Къ этому времени уже под-

нимаются даже лѣнивые, и вотъ голоднымъ „инженерамъ“ выносятъ двѣ шайки щей, и мы сходимся смотрѣть, какъ они примутся за завтракъ.

Заслышавъ звонъ опрастываемаго чугуна, они поднимаютъ ревъ и начинаютъ царапать двери, прогонятъ всѣхъ псовъ изъ сѣней, и, когда пара матросовъ выноситъ имъ дымящійся завтракъ, они уже на-дыбахъ, протягиваютъ свои мохнатыя лапы, хватаютъ каждый свою шайку и тянутъ ее внизъ, пока не поставятъ ихъ передъ ихъ мордами, нарочно подальше другъ отъ друга. Но завтракъ горячъ, такъ что къ нему не подступайся, паръ валитъ до потолка, и „инженеры“ начинаютъ кружиться около шаекъ, выглядывая въ пару, гдѣ плаваютъ куски аппетитнаго варенаго нерпичьяго сала. Это подрумяненное сало—первое, что хочется съѣсть на голодный желудокъ; но взять его трудно, и нужна особенная ловкость и рискъ обжечь себѣ лапу, чтобы выхватить его изъ шайки. Но голодъ чего не сдѣлаетъ: они приноравливаются, выглядываютъ; одинъ моментъ, ловкое движеніе лапой,—и кусокъ подцѣпляется когтями; „инженеръ“ садится и поднимаетъ высоко свою лапу и трясетъ ею, ревя отъ боли, и потомъ начинаетъ ее старательно облизывать чернымъ языкомъ. Кусокъ съѣденъ. Сало выловлено. И они начинаютъ кружиться около своихъ шаекъ, облизывая осторожно края и зло поглядывая, не приблизится ли какая собака.

Послѣднія никогда не пробуютъ у нихъ отнимать кушанье, но, тѣмъ не менѣе, стоитъ только одной-другой показаться и потянуть носомъ по направленію къ завтракающимъ „инженерамъ“, какъ они съ ревомъ бросаются на нихъ и даютъ имъ такого шлепка лапой, что тѣ съ визгомъ ретируются поскорѣе.

Но этимъ дѣло не заканчивается: одинъ изъ нихъ всегда съѣдаетъ раньше другого, и, такъ какъ у этихъ животныхъ борьба за пищу не знаетъ вѣжливости, то тотъ, кто съѣлъ раньше, направляется къ шайкѣ другого, и они поднимаютъ такую возню, что все содержимое вмѣстѣ съ ихъ шерстью летитъ въ разныя стороны, и они скоро убѣждаются, что шайка пуста, а щи находятся на ихъ шкурахъ, которыя необходимо вычистить, пока онѣ не обмерзли въ такомъ видѣ.

Это всегда почему-то дѣлается на вершинѣ нашего сугроба, у самыхъ оконъ кухни, словно нарочно, въ благодарность Мишкѣ за завтракъ. „Инженеры“ усаживаются другъ противъ друга и начинаютъ сначала тихонько, потомъ смѣлѣе облизывать другъ друга, сначала морды, на которыхъ больше осталось съѣдобнаго, потомъ другія части тѣла, старательно, съ какимъ-то разговоромъ, мурлыканьемъ, словно они разсказываютъ при этомъ какую исторію, въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, пока эта уборка которому-нибудь не надоѣстъ и они снова не раздерутся, на-

дававши другъ другу основательныхъ плюхъ... Послѣ этого они, какъ ни въ чемъ не бывало, отправляются мыться на берегъ моря и тамъ полощутся въ водѣ и ныряютъ подъ льдины. Мы каждый разъ серіозно заботились о томъ, чтобы они не унырнули подъ большую льдину, откуда имъ уже не выплыть.

Но они знаютъ хорошо свое дѣло и, выполоскавши такимъ образомъ свою бѣлую шкуру, отправляются въ свой ледяной дворецъ и начинаютъ акробатическія представленія передъ нашимъ кабинетомъ, съ замѣчательной ловкостью лазя другъ за другомъ сквозь сдѣланныя ими самими для того отверстія въ стѣнахъ ледяного домика и въ его крышѣ, въ которыя они быстро, быстро протискиваютъ свои толстыя туловища, словно нарочно очищая этимъ свои блестящія шкуры.

И такъ цѣлый день съ нѣкоторыми перерывами, въ которые имъ приходитъ на умъ или провѣдать, что дѣлаетъ ихъ другъ Мишка въ кухнѣ, или захочется поиграть съ собаками, которыя ихъ боятся.

Съ собаками они обращались не особенно дружелюбно: какъ только завидятъ, что тѣ улеглись кучкой спать въ сѣни, они тотчасъ же являлись тревожить ихъ, или, сами желая отдохнуть въ ихъ компаніи, ложились не рядомъ, а обязательно на нихъ и еще, злодѣи, не позволяли собакамъ протестовать, что ихъ такъ задавили, сердито урча

и грозя трепкой... И собаки терпѣли все, выносили, пока было это возможно, пока вся группа отдыхающихъ звѣрей не разбѣгалась при первомъ удобномъ случаѣ, и тогда поднималась драка. Тогда поваръ Мишка выбѣгалъ на шумъ съ поленомъ и гналъ всю честную компанію за двери.

* * *

Эти наши пріятели вѣчно что-нибудь выдумывали новое для своихъ забавъ, какъ настоящія дѣти, которымъ вѣчно хочется проказить, шалить.

Но что они еще больше того любили, это—ѣздить съ нами на яхточкѣ.

За этимъ они всегда ревниво слѣдили, и только что мы отправлялись куда и поднимали паруса, какъ они уже были тутъ, заползали безъ спроса на бортъ, отправлялись въ носъ судна, и оттуда уже ихъ не возможно было выжить никакими силами, потому что они хватались за снасти... И вотъ, приходилось съ ними плыть на охоту, отправляться въ цѣлыя экскурсіи, переживать волненіе, котораго они нисколько не боялись...

Эту страсть къ путешествіямъ по водѣ, вѣроятно, они имѣли отъ природы, хотя и не бывали еще на льдахъ съ матерью. И какъ только мы причаливали ко льдамъ, они всегда были страшно этимъ довольны: бросались и бѣгали по льду, нюхали въ немъ каждую продушину, которую дѣлаетъ тамъ нерпа, и находили столько дѣла, столько

удовольствія, купаясь въ прозрачной водѣ, что мы даже позабывали о нихъ на охотѣ. Тамъ, на плавучемъ льду, они были въ природной обстановкѣ, и мы побаивались часто давать имъ подобное удовольствіе, чтобы они не покинули совсѣмъ нашу яхту. Это могло случиться легко: стоило бы только показаться бѣлому медвѣдю, и наши „инженеры“ убѣжали бы къ нему, предполагая въ немъ свою матушку, совершенно и позабывъ, что старикъ Логай угощалъ ихъ цѣлую недѣлю ея мясомъ.

Но этого не случилось, а случилось нѣчто другое, когда мы добыли прекрасную, бѣлую, громадную медвѣдицу. Они были страшно довольны этимъ и сразу сообразили, что она можетъ имъ замѣнить мать, и какъ только мы показали ее имъ, уже мертвую, лежащую на льду пролива, смѣло отправились къ ней, чтобы прежде всего полакомиться ея молокомъ.

Это была красивая сцена, и я попросилъ своего матроса снять съ нея фотографическій снимокъ. (См. рисунокъ).

Но, не найдя молока, они долго старались ее оживить жалобными стонами и такъ трогательно лизали ея рану, такъ трогательно обнюхивали ее и стонали при этомъ, что намъ было отъ души ихъ жаль.

Однако потомъ они преспокойно кушали ея мясо.

* * *

Мнѣ не забыть, какъ однажды они ѣздили со мной на яхточкѣ на остановившуюся противъ нашей колоніи норвежскую промысловую яхту.

Это было въ роскошное, тихое, ясное утро, и появившееся судно съ своими двумя высокими мачтами, на фонѣ голубого неба и нашего мыска съ бѣлымъ снѣгомъ, такъ было красиво со своимъ отраженіемъ на зеркальной поверхности воды, что мы собрались цѣлой компаніей посѣтить гостей изъ Европы.

Мы садимся на яхточку, беремъ весла, и „инженеры“ уже тутъ, въ носу, и смотрятъ въ прозрачную, зеленоватую воду. Ѣдемъ тихонько: причаливаемъ; къ намъ навстрѣчу выходятъ русые финны и подаютъ тросъ, по которому первыми забираются на судно „инженеры“. Норвежцы въ восторгѣ отъ этихъ гостей и за шиворотъ снимаютъ ихъ съ троса и ставятъ на палубу, къ общему смѣху. Потомъ на бортъ вылѣзаемъ мы, въ видѣ почетнаго ихъ конвоя, и вотъ мы въ гостяхъ, на широкомъ покатомъ полу палубы, среди кучъ разныхъ снастей, сѣтей и бочекъ, окруженные веселыми моряками, которые сосутъ отъ удовольствія трубки и смѣются надъ нашими „инженерами“.

Штурманъ насъ приглашаетъ въ каюту, медвѣди за нами,—и нужно было видѣть этихъ гостей въ каютѣ норвежскаго судна, какъ они просили у добрыхъ норвежцевъ сахару и даже не отказы-

вались отъ трубокъ и сигаръ, которыя имъ предлагали бравые моряки.

Но скоро они намъ надоѣли, и мы выгнали ихъ на палубу, чтобы заняться дѣловымъ разговоромъ. Матросы ушли туда же, и тамъ у нихъ поднялась порядочная возня съ нашими „инженерами".

Они садили и поднимали ихъ на мачты, заставляли ихъ лазить на самый верхъ, ходить и бѣгать по борту, завертывали ихъ въ паруса, спускали ихъ въ трюмъ и въ кухню и въ концѣ концовъ сбросили ихъ въ море, гдѣ я и засталъ ихъ плавающими и преспокойно ныряющими въ прозрачной водѣ, гдѣ они играли, ловили другъ друга за ноги, то всплывая на поверхность и барахтаясь лапами, то погружаясь глубоко въ воду и почти исчезая тамъ изъ виду...

Это было прелюбопытное зрѣлище, и морякамъ оно такъ понравилось, что они стали было отбивать ихъ у насъ, предлагая за нихъ самый лучшій штуцеръ. Кончилась эта забава тѣмъ, что „инженеры" выбрались изъ воды и усѣлись на спущенный въ воду съ борта тросъ, и какъ мы ни качали его, какъ ни поднимали и ни опускали въ море, они спустились съ него только тогда, когда ихъ подняли снова на бортъ, и были такъ довольны этимъ, что пресмѣшно начали скакать по палубѣ, разбрасывая кругомъ себя брызги.

Но стоило намъ только направиться къ яхточкѣ, какъ они уже снова просились въ судно и

даже подняли страшный ревъ, когда мы было ихъ оставили, желая испытать, насколько они къ намъ привязаны.

* * *

Ихъ выдумкамъ не было конца.

То они заберутся на нашу крышу и катаются на спинѣ и внизъ головой, какъ маленькія дѣти, то заберутся на обрывъ скалы и бросаютъ въ море камешки, прислушиваясь, какъ они падаютъ въ воду, то начинаютъ разворачивать каменный морской знакъ, чтобы разорить тамъ гнѣздо бѣлаго снѣгиря или снѣжнаго жаворонка, то отправляются на мою будку производить наблюденія и лоmать градусники, то взбираются на углы нашего дома и выдергиваютъ изъ его пазовъ мохъ, то задираютъ собакъ, не желая, чтобы онѣ вѣчно спали на солнцѣ. Въ нихъ былъ громадный избытокъ молодыхъ силъ, и мы видѣли, какъ они быстро росли и развивались на счетъ нашихъ щей изъ тюленьяго мяса, дѣлаясь каждую недѣлю все больше и больше и сильнѣе.

Но кромѣ того, что они шалили, они обнаруживали много ума и смѣтки; имъ страшно нравилась музыка, и, когда ихъ другъ Мишка выходилъ съ своей гармоніей и, забираясь на обрывъ скалы, разыгрывалъ излюбленные поморскіе мотивы, они обязательно были около него, не сводя глазъ съ его чуднаго инструмента, котораго мы не могли

выносить въ стѣнахъ дома. А когда освободился нашъ боченокъ изъ-подъ керосина и былъ вынесенъ весной на улицу, какъ лишній, они тотчасъ же приспособили его къ музыкѣ, вѣроятно, замѣтивъ, что онъ гудитъ при вѣтрѣ. Но они не стали дожидаться вѣтра, чтобы слышать гулъ въ пустомъ боченкѣ, а лупили его всѣми силами по бокамъ лапами, чтобы онъ гудѣлъ какъ барабанъ, и катали его по камнямъ по берегу моря, гдѣ онъ гудѣлъ еще лучше, подскакивая по камнямъ...

Но такъ какъ этой забавы имъ хватило ровно на недѣлю, потому что боченокъ разсыпался, они воспользовались другимъ, вытаявшимъ изъ-подъ снѣга, но какъ разъ въ тотъ день, когда они хотѣли приспособить его къ музыкѣ, былъ страшный вѣтеръ, и только что они его вытащили изъ-подъ сугроба, провозившись надъ этимъ цѣлое утро, и выкатили на берегъ, какъ сильный порывъ горнаго вѣтра умчалъ его на ледъ пролива, и онъ, запрыгавъ по его льдамъ, страшно стуча, покатился въ море.

Это страшно удивило „инженеровъ“; они, вѣроятно, воображали, что боченокъ ожилъ; но потомъ имъ жаль стало его, и они бросились было за нимъ въ погоню, но догнать уже не могли.

Но боченокъ они скоро замѣнили нашимъ мѣднымъ дорожнымъ котломъ, и прежде, чѣмъ мы его хватились, онъ былъ окончательно пробитъ по всѣмъ направленіямъ, такъ какъ эти музыканты

бросали его съ большого камня у дома на другіе камни пониже и потомъ прислушивались, какъ онъ звучалъ...

Въ то время, какъ наши пріятели, которыхъ всѣ мы скоро полюбили, шалили такъ на дворѣ,—въ комнатахъ, куда мы ихъ изрѣдка впускали, они держали себя замѣчательно учтиво.

Нужно замѣтить, что они страшно любили, когда имъ позволялось къ намъ заходить, и стоило только сѣсть у раскрытаго окна, какъ они лѣзли къ нему и царапались, и даже, случалось, дѣйствительно заползали въ него, къ неудовольствію особенно повара, у котораго на окнахъ всегда былъ „базаръ“ изъ чашекъ.

Разъ въ моемъ кабинетѣ даже случилась цѣлая исторія по поводу этого: медвѣди забрались въ окно въ то время, когда я спалъ утромъ, и мой песъ ни за что не хотѣлъ ихъ впускать въ комнату и такъ лаялъ на нихъ, что я думалъ, что ко мнѣ забрались настоящіе звѣри съ моря...

Было немало хлопотъ, чтобы выпроводить гостей съ подоконниковъ: они ни за что не хотѣли уходить безъ угощенія, и когда мы ихъ пробовали просто столкнуть за окно, они цѣплялись за створки его и грозили оставить насъ навсегда безъ стеколъ.

Но разъ впущенные въ комнату, они вели себя весьма учтиво, и какъ бы ни былъ соблазнителенъ нашъ столъ съ кипящимъ самоваромъ и дымя-

щимся завтракомъ, они вѣжливо подходили къ нему, становились на дыбы и только заглядывались на него, не смѣя тронуть ничего лапой... И только тогда, когда мы подносили имъ на блюдѣ кусочекъ лакомства, они тихонько, осторожно брали черными коготками то, что имъ было предложено. И нужно было видѣть этихъ уморительныхъ, бѣлыхъ, толстыхъ, кургузыхъ „инженеровъ" съ умными, серіозными мордочками и черными носами, которые имъ прекрасно замѣняли, казалось, зрѣніе,—какъ они стояли на заднихъ лапахъ передъ столомъ и лизали наши руки, прося еще чего-нибудь послаще. Послѣднему ихъ научилъ нашъ поваръ, и они, какъ только врывались въ комнату, непремѣнно начинали что-нибудь клянчить, прильнувъ мордой къ ладони.

Нашъ поваръ давалъ имъ иногда съ ладони сахарный песокъ, и они оказались до него страшными охотниками, —странная слабость въ бѣломъ медвѣдѣ, питающемся исключительно тюленемъ и рыбой.

* * *

Однажды утромъ,—была уже настоящая весна, и нашъ проливъ очистился отъ льда, его несло уже въ морѣ,— я вышелъ дѣлать метеорологическія наблюденія, и былъ удивленъ тѣмъ, что не нашелъ на своемъ крыльцѣ „инженеровъ". Я искалъ ихъ у будки, кругомъ дома, нѣтъ; я по-

сылаю искать повара и матросовъ къ чумамъ самоѣдовъ,—тамъ ихъ не видали; „инженеры пропали", „инженеры уплыли въ море", „инженеровъ слѣдъ простылъ, и гдѣ они, -не извѣстно".

Помню, это было цѣлое событіе въ нашей колоніи. Никто изъ самоѣдовъ не видалъ ихъ ночью: стало-быть, они ушли еще съ вечера. Было предположеніе, что ночью съ моря приходилъ въ колонію бѣлый медвѣдь и съѣлъ ихъ, какъ это случалось уже не разъ у самоѣдовъ; но этому намъ не хотѣлось вѣрить, потому что мы не слыхали лая собакъ, которыя бы не пропустили случая разбудить насъ и поднять по этому поводу тревогу. Было другое предположеніе,—что они сорвались съ обрыва скалы, упали въ море и, разбившись, потонули, но этому тоже какъ-то не вѣрилось, и мы рѣшили, что они, играя на льду и берегу пролива, просто отплыли подальше, воспользовались первой мимо плывущей льдинкой, забрались на нее и въ игрѣ незамѣтно уплыли отъ колоніи въ море, а потомъ уже не посмѣли пуститься вплавь обратно, потерявъ изъ виду нашъ берегъ.

Мы снарядили яхту и отправились искать нашихъ бѣглецовъ.

И дѣйствительно, въ зрительную трубу нашли ихъ на одной пловучей маленькой льдинѣ уже въ морѣ, гдѣ они въ испугѣ жались другъ къ другу,

уносимые теченіемъ и вѣтромъ все дальше и дальше отъ береговъ и заливаемые волнами.

Они были въ положеніи погибающихъ, выплыть имъ едва ли удалось бы на берегъ: льда было мало, и онъ былъ почти весь залитъ разгулявшейся волной, и чѣмъ дальше несло ихъ въ море, тѣмъ волна становилась больше и больше, и ихъ неминуемо снесло бы въ воду и захлеснуло бы первой крупной волной.

Въ какомъ жалкомъ, испуганномъ, ужасномъ видѣ мы догнали ихъ на этомъ природномъ суднѣ, и нужно было видѣть, какъ они намъ обрадовались и, дрожа еще отъ страха и стужи, мокрые, старались всѣми силами удержаться на качающейся, заливаемой волненіемъ льдинѣ, чтобы ихъ не смыло до нашего приближенія. Бѣдные, они сидѣли и держались другъ за друга и, когда ихъ окачивало волной, хватались такими боязливыми движеніями другъ за друга, словно намѣревались утонуть вмѣстѣ.

Мы ихъ, разумѣется, постарались какъ можно скорѣе выручить изъ такого положенія, и нужно было видѣть, какъ они лизали наши руки, сидя на суднѣ, мокрые и еще дрожащіе отъ сырости и стужи.

Съ тѣхъ поръ мы еще больше ихъ полюбили, и они уже не уходили отъ насъ на плавающіе льды, и ночью, чтобы не повторилась подобная исторія, мы, хотя и жаль было ихъ, снова садили ихъ на

цѣпь, привязывая теперь къ нашей метеорологической будкѣ.

Но тутъ-то и случилось съ ними настоящее несчастіе.

Мы было уже мечтали отвезти ихъ въ московскій зоологическій садъ на жительство въ желѣзную клѣтку и увидѣть съ ними лучшую обстановку и публику, чѣмъ самоѣды, какъ вдругъ ночью случилось несчастіе, и наши „инженеры“ заболѣли.

Въ ту весну по Новой Землѣ бѣгало множество дикихъ бѣшеныхъ песцовъ; они каждую ночь прибѣгали воровски къ нашему дому и даже, случалось порой, появлялись днемъ, пробѣгая мимо и поднимая въ погоню за собой всю нашу собачью свору; но тутъ случилось какъ-то такъ, что одинъ песецъ, прибѣжавъ ночью, напалъ на нашихъ „инженеровъ“, и хотя они отчаянно отъ него отбивались и даже оторвали ему оба уха, но онъ успѣлъ ихъ похватать за бѣлыя мордочки и заразилъ ихъ своимъ страшнымъ ядомъ водобоязни.

Чтобы было съ ними дальше,—не извѣстно, но ихъ спасла одна самоѣдка, которая, выйдя на улицу, догадалась, кто на нихъ нападаетъ, и убила песца топоромъ.

Но дѣло было уже сдѣлано: „инженеры“ стали грустны и задумчивы, перестали ѣсть даже жареное сало и стали такъ жалобно стонать, такими сдѣлались невеселыми, что мы чуть не плакали, глядя на нихъ.

Потомъ, черезъ нѣсколько дней они окончательно сошли съ ума, перестали узнавать даже кока и стали грызть все: и цѣпь, на которой сидѣли все время, и камни, которые были подъ ними, и дерево, къ которому были привязаны, и даже другъ друга, такъ что ихъ пришлось разъединить. И было жалко смотрѣть на этихъ грязныхъ теперь, страшныхъ, съ мутными глазами звѣрьковъ, которые ревѣли отъ ярости, ломали себѣ зубы, бренчали, какъ узники, цѣпями день и ночь и смотрѣли на все такими зелеными, мутными глазами, что было страшно подойти. Недѣли черезъ двѣ они тихо скончались.

Мы хотѣли спустить ихъ въ родное море, но у насъ не хватило силъ разстаться съ ними; мы хотѣли ихъ зарыть въ скалы, но это было опасно для нашихъ собакъ, которыя могли бы отравиться,— и мы осторожно сняли съ нихъ шкурки, чтобы выдѣлать послѣ на память пару чучелъ. И мы, дѣйствительно, ихъ сдѣлали, и теперь они стоятъ въ одномъ музеѣ за стекломъ, приводя въ восхищеніе дѣтей, которыя и не предполагаютъ, что съ ними была такая драма.

VII.

Ворона.

Рѣшительно не понимаю, за что, за что только свѣтъ преслѣдуетъ бѣдную ворону?

Бѣдная птица! Кто только ее не гонитъ, кто только ее не бьетъ, кто только надъ ней не смѣется...

Кому первый комъ грязи норовитъ пустить въ бокъ деревенскій мальчуганъ?—Воронѣ. Чьи гнѣзда ранней весной, когда только что станетъ распускаться луговая ива и зеленѣть травка въ лѣсу, ребятишки гурьбой отправляются зорить въ ближайшій лѣсъ?—Бѣдной вороны. И напрасно она каркаетъ надъ ними, сзываетъ со всѣхъ сторонъ на помощь другихъ такихъ же сѣрыхъ воронъ, напрасно онѣ всѣ кружатся надъ ребятами, кричатъ караулъ; тѣ хоть издерутся всѣ о сучки, да залѣзутъ на дерево, доберутся до вершины его, гдѣ качается ея большое, изъ натасканныхъ сучковъ и хвороста, гнѣздо, запустятъ въ него свои ручонки и, къ общему торжеству, вытащатъ оттуда нѣсколько пестрыхъ ея яицъ. И бѣдная во-

рона только посмотритъ на нихъ, какъ они въ нее же начнутъ „фурять“ эти яица и бить ихъ о ближайшій стволъ осины...

Но это ребятишки, злой маленькій народъ, которымъ только бы добраться до гнѣзда да разорить ворону... Они, пожалуй, еще мало понимаютъ, за что они такъ ее преслѣдуютъ. Но посмотрите, что дѣлаетъ съ ней нашъ мужикъ, наша деревенская баба.

Кому въ бокъ садитъ зарядъ дроби праздный мужикъ-охотникъ на задворкахъ деревни, возвращаясь съ неудачной охоты?—Воронѣ. Въ кого пристрѣливаетъ свое ружье отправляющійся на охоту мужикъ?—Въ подвернувшуюся сѣрую ворону. Кого вѣшаетъ на гряды деревенская баба, разсадивъ капусту?—Бѣдную ворону. Кого пялитъ мужикъ осенью на кладь своего хлѣба вмѣсто чучела, чтобы пугать повадившуюся птицу?—Ворону. Чьихъ цыплятъ, бѣдныхъ, несчастныхъ цыплятъ желторотыхъ, топчетъ, не зная за что, мужикъ въ лѣсу, сбросивъ изъ гнѣзда на землю?—Бѣдной вороны... Всюду она страдаетъ, бѣдная, всюду ее гонятъ, ругаютъ и бьютъ.

И за что? Право, трудно сказать. Такъ, бьютъ, и только. Не нравится ли ея толстый черный носъ, не любитъ ли народъ, что она каркаетъ такъ некрасиво, смѣшна ли она своей развалистой походкой, потѣшна ли она всей своей фигурой, когда смотришь, какъ она разгуливаетъ по вашему двору

у навозной кучи, надоѣла ли она своими безпрестанными визитами по чужимъ дворамъ,—трудно отвѣтить. Но только одно ясно, что ее не любитъ простой человѣкъ, стрѣляетъ всякій охотникъ, гдѣ только она подвернется подъ горячую руку, ругаетъ всякій деревенскій мужикъ, смѣется надъ ней всякій деревенскій и городской мальчикъ...

Чѣмъ лучше ея, напримѣръ, черный воронъ? Онъ тоже каркаетъ, у него такой же черный клювъ, онъ еще печальнѣе по виду,—но его не трогаетъ ни мужикъ, ни деревенская баба, хотя и не любятъ, когда онъ садится на крышу избы, на крестъ деревенскаго храма, боясь, что онъ накличетъ смерть, наворожитъ имъ покойника.

Чѣмъ лучше ея черная, сѣроглазая галка? Чѣмъ лучше ея нашъ сѣрый вороватый воробей? Но за ними не носятся такъ охотно ребята, за ними не гонятся они съ палками, надъ ними совсѣмъ не смѣются.

Ни одна птица не подвергается столькимъ насмѣшкамъ, какъ бѣдная ворона.

„Эй, ты, ворона“, говоритъ мужикъ зазѣвавшейся на рынкѣ бабѣ. „Проворонилъ“, смѣются надъ тѣмъ же мужикомъ, если онъ что потеряетъ съ воза въ городѣ. „Вотъ ворона-то“, покатываются со смѣха злые ребятишки, увидавъ, что мужикъ заглядѣлся на господскія окна. „Чистая ворона“, говоритъ тихонько злой племянничекъ своей

маленькой сестренкѣ про пріѣзжую тетушку. „Ну, разинула ротъ-то, какъ ворона“, ворчитъ сердитый мужикъ на раскричавшуюся на него бабу...

А сколько смѣшныхъ сказокъ про воронъ, сколько басенъ, стиховъ; даже дѣдушка Крыловъ и тотъ осмѣялъ бѣдную ворону, и кто изъ насъ отъ души не смѣялся надъ вороной, читая его басню „Ворона и Лисица“: „Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру“... „Ворона каркнула“... Бѣдная, несчастная птица.

Правда, она сама виновата во всемъ этомъ, но, право, не настолько, чтобы быть къ ней такимъ жестокимъ, не настолько, чтобы ее преслѣдовать, бить, зорить, губить бѣдныхъ не повинныхъ ни въ чемъ ея дѣтенышей...

Правда, она любитъ потаскивать яица изъ курятника у бабы деревенской, но развѣ не виновата и сама разиня-баба, что она не смотритъ, когда снесутся ея курицы. Правда, она любитъ прогуляться своей походочкой по грядамъ съ капустой и горохомъ и поклевать зеленые огурцы, но развѣ можно ее винить, что она хочетъ полакомиться, когда мы, люди, сами грѣшны въ этомъ передъ Богомъ. Правда, она порой утащитъ у васъ цыпленка со двора, но развѣ она виновата, что вы плохо за нимъ смотрите, развѣ не таскаетъ также ихъ коршунъ, ястребъ, галка, даже пестрая сорока, хотя за всѣхъ ихъ отвѣчаетъ одна бѣдная ворона. Правда, вороны портятъ вашъ садъ,

налетая въ него цѣлой стаей, но развѣ ее можно винить, глупую птицу, что она любитъ вашъ садъ и каждый разъ, когда хочетъ повеселиться или обсудить общественныя свои дѣла, прилетаетъ туда съ своими подругами и цѣлымъ веселымъ обществомъ, къ ужасу вашего садовника, усаживается на деревья, ломая вѣтви. Гдѣ же ей вы прикажете посидѣть передъ ненастьемъ, покаркать цѣлой стаей, какъ не на вашемъ заплотѣ *), если онъ ей нравится и удобенъ?

Правда, она вамъ надоѣдаетъ порой, каркая передъ вашимъ окномъ, когда вы еще въ теплой постелькѣ, но развѣ можно ее винить, что она раньше просыпается, чѣмъ вы, и уже промышляетъ себѣ завтракъ, когда для васъ онъ давно уже готовъ, приготовленъ вашей няней или стряпкой.

Правду нужно сказать, она немножко смѣшна въ своемъ сѣромъ пышномъ костюмѣ, особенно когда она похаживаетъ, не замѣчая, что вы смотрите на нее, передъ вашимъ окномъ, но все же далеко не такъ, какъ сорока, которая поскакиваетъ, какъ сѣрый воробей, и вертится на сучкѣ дерева у того же окна. Посмотрите, какая она солидная дама, какъ широко шагаетъ своими черными лапами, какъ солидно опускаетъ толстый носъ въ землю, какъ равнодушно осматривается кругомъ, заслыша шаги человѣка, какъ тихо, безъ

*) Заплотомъ въ Сибири называются заборы.

трусости воробья или вороватой сороки, снимается, летитъ и усаживается на вашъ заборъ, очищая замаранный носъ. Только одно смѣшно, что она каркаетъ, но развѣ можно смѣяться надъ тѣмъ, чѣмъ наградилъ ее Богъ при созданіи, надъ тѣмъ, что у нея такой негармоничный голосокъ?

Посмотрите на нее,—у ней совсѣмъ даже не грубое сердце, она не зла, она даже не злопамятна, и если вы запустите въ нее комомъ снѣга, она только съ удивленіемъ посмотритъ на васъ, вѣроятно, думая: „И ты меня гонишь, бѣдный маленькій человѣкъ“,—и тихо улетитъ на сосѣдній дворъ. А смотришь, черезъ полчаса она уже снова у васъ на заплотѣ и даже каркаетъ, словно радуясь, что вы снова увидѣлись съ ней чрезъ окно вашего дома.

А какъ она чиститъ вашихъ овецъ, когда онѣ ходятъ лѣтомъ по выгону съ косматой грязной шерстью, какъ она ухаживаетъ за свиньями, грязными, вывалявшимися въ грязи и лужахъ, путешествуя на ихъ спинахъ, когда онѣ роютъ рыломъ землю, какъ она чиститъ неопрятныхъ коровъ, захудалыхъ жеребятъ, лошадей деревенскаго мужика, какъ она чиститъ его поле, разгуливая по свѣжимъ бороздамъ вслѣдъ за сохой пахаря. Развѣ не говоритъ это, что она простодушна и заботлива, развѣ не рекомендуетъ ее это, какъ добрую? птицу Посмотрите рано утромъ, какъ она старательно чиститъ вашъ дворъ отъ сора,

какъ она очищаетъ его отъ того, что выбросила, вылила ваша неряха-кухарка прямо вамъ подъ ноги у самаго крыльца кухни. Она всегда къ вашимъ услугамъ, она весь день въ деревнѣ или въ городѣ, она все уберетъ, и если видитъ, что ей не справиться, то даже созоветъ, скаркаетъ другихъ своихъ подругъ и вмѣстѣ съ ними приведетъ вашъ дворъ въ порядокъ. И за все это даже не попросится къ вамъ ночевать въ садъ, на заплотъ, на крышу, какъ дѣлаютъ это ваши голуби, воробьи и черныя галки, а улетитъ далеко, далеко въ лѣсъ и тамъ ночуетъ на голомъ деревѣ, хотя на дворѣ страшная стужа, хотя на дворѣ страшный проливной дождь.

А утромъ рано она уже снова у васъ на дворѣ, какъ заботливый работникъ.

У вороны есть даже состраданіе и справедливость. Посмотрите, какъ она слѣдитъ въ лугахъ за охотникомъ, который хочетъ пообидѣть бѣдныхъ, зазѣвавшихся въ камышѣ утокъ: она ни за что, если только замѣтитъ его, не даетъ ему убить ихъ, и только что онъ подползетъ къ нимъ изъза кустовъ, только что онъ станетъ наводить на нихъ свое громадное страшное дуло, какъ она тутъ и каркнетъ во все свое воронье горло и такъ закричитъ, такъ закричитъ, что не только перепугаются утки и улетятъ, но даже и самъ охотникъ струситъ и опуститъ ружье. Положимъ, ей самой часто за это летитъ въ бокъ тотъ зарядъ,

который предназначался уткамъ, но она этимъ не обидится и, если въ нее не попадутъ, то еще созоветъ, скаркаетъ своихъ товарокъ, чтобы посмѣяться надъ охотникомъ, какъ онъ остался съ носомъ.

Попробуйте-ка попасть ей на глаза въ лѣсу съ ружьемъ, — она подниметъ весь лѣсъ, перепугаетъ всѣхъ зайцевъ, куропатокъ, тетерей и до тѣхъ поръ не броситъ кружиться надъ вами, пока вы ее не выругаете тысячу разъ и не выйдете изъ ея лѣса.

Можетъ-быть, она этимъ больше мститъ вамъ за то, что вы къ ней несправедливы въ деревнѣ, чѣмъ заботится о бѣдныхъ уткахъ и зайцахъ, которые ей далеко не родственники по своему образу жизни, но все же это доказываетъ, что у ней доброе сердце; во всякомъ случаѣ, она добрѣе другого человѣка, который порой съ любопытствомъ смотритъ на то, какъ крадется къ уткамъ тотъ же охотникъ, и дожидается, чтобы узнать, сколько онъ убьетъ ихъ однимъ зарядомъ дроби.

Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ, ворона не такъ ужъ глупа и грѣшна передъ свѣтомъ, чтобы ее вѣчно и повсюду преслѣдовалъ и билъ человѣкъ, и я не понимаю, право, не могу понять, за что ее такъ не любятъ на свѣтѣ.

Замѣчательно то, что ее нигдѣ не любятъ, рѣшительно нигдѣ, ни на крайнемъ югѣ, ни на крайнемъ сѣверѣ, куда она рѣдко, рѣдко залетаетъ.

Я объѣхалъ полсвѣта, я побывалъ на своемъ вѣку у всякихъ народовъ и племенъ и только разъ, всего разъ въ свои путешествія видѣлъ, что ей обрадовались, да и то не надолго.

Это было ранней весной на дальнемъ сѣверѣ Сибири. Я дожидался въ одномъ маленькомъ селеньи, когда вскроются рѣки, чтобы плыть къ Ледовитому океану. Стояли еще настоящіе зимніе холода, хотя уже высоко ходило красное солнышко, пригрѣвая по днямъ крыши. Всѣ жители съ нетерпѣніемъ ждали весны, всѣмъ страшно надоѣлъ холодъ и снѣгъ. Вдругъ однажды утромъ я слышу изъ своей квартиры, что по улицѣ бѣгаетъ народъ и кричитъ; „Прилетѣла ворона!“ Я думалъ, что за нею гоняются ребятишки, что ее преслѣдуетъ злой человѣкъ, но оказалось другое, и только что я всталъ, какъ ко мнѣ съ радостной вѣстью прибѣжалъ остякъ и сталъ объяснять, что прилетѣла ворона.

И когда я не сразу догадался, чему онъ такъ радъ, то онъ потащилъ меня на улицу и повелъ въ другой дворъ, гдѣ была ворона. Дѣйствительно, тамъ была ворона, наша обыкновенная сѣрая ворона. Она сидѣла на кучѣ навоза и тыкала въ него носомъ. Но Боже, сколько народа подсматривало за ней изъ-за каждаго угла, сколько ребятишекъ смотрѣло въ щели заборовъ, сколько почтенныхъ стариковъ старалось разсмотрѣть ее,

заглядывая съ сугроба черезъ заборъ, прикрывъ старые глаза отъ свѣта рукою.

Это была вѣстница весны. Это была первая птица на этомъ сѣверѣ, которая явилась послѣ долгой суровой зимы съ радостной вѣстью, что скоро будетъ тепло и весна съ ея цвѣтами и дождикомъ вмѣсто вѣчнаго холода и снѣга. За этой вороной гонялись весь день, ее видѣло все населеніе деревни, всякій хотѣлъ, непремѣнно хотѣлъ самъ убѣдиться, что она явилась, и шелъ смотрѣть на нее, какъ на гостью. Но недолго ворона была въ чести. Чрезъ нѣсколько дней, когда ворона куда-то скрылась (жители говорили, что она была загонщицей отъ другихъ воронъ и улетѣла къ нимъ съ вѣстью, что онѣ еще живы, не замерзли на этомъ сѣверѣ) и затѣмъ снова появилась, но уже не одна, а цѣлой компаніей и залетала по дворамъ и заплотамъ, я замѣтилъ, что ей совсѣмъ уже не были рады. А чрезъ день я уже могъ видѣть сколько угодно, какъ ее гоняли по дворамъ палками и комьями снѣга злые ребятишки, смѣясь всякій разъ, какъ она что-то имъ каркала съ заплота.

Злые люди ее преслѣдовали даже тогда, когда она только что принесла своимъ появленіемъ радостную вѣсть о веснѣ. И это еще тамъ, гдѣ она всего шесть мѣсяцевъ въ году бываетъ гостьей.

Я бывалъ у зырянъ, кореловъ, остяковъ, вогуловъ, я бывалъ у киргизовъ, татаръ, сартовъ, кал-

мыковъ, монголовъ, я бывалъ у арабовъ, бедуиновъ, осетинъ, черкесовъ, я бывалъ у всѣхъ жителей Европы, я бывалъ на крайнемъ сѣверѣ и югѣ, я объѣхалъ всю Россію и почти всю Сибирь—и всюду видѣлъ, какъ эта бѣдная птица подвергается преслѣдованію человѣка, всюду ее не любятъ, гонятъ и бьютъ. Но всего больше ее не любятъ, оказывается, самоѣды, несмотря на то, что она почти не живетъ никогда въ ихъ холодной тундрѣ и только изрѣдка прилетаетъ туда весной и лѣтомъ, словно для того только, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается, опрятно ли живетъ тамъ человѣкъ.

За что такъ не взлюбилъ этотъ пасынокъ суровой природы нашу сѣрую ворону,—я долго не могъ понять, но недавно, путешествуя по его печальной тундрѣ, я случайно узналъ, какая этому причина.

* * *

Это было весной, въ началѣ мая мѣсяца. Весна только что еще начиналась; не было даже зеленѣющей травки. Вся тундра самоѣда, по которой я путешествовалъ, была еще подъ снѣгомъ. Море тоже еще спало подо льдами, и только солнце одно, которое оставляетъ эту холодную страну зимой безъ свѣта, солнце одно, не закатываясь, лило на нее свои лучи, гоня снѣгъ, оживляя замерзшую траву, пробуждая въ холодной землѣ

чувствительный къ теплу ростокъ. Мы остановились у самоѣда Тусеты Урко на самомъ берегу Карскаго моря, гдѣ стоялъ его чумъ изъ оленьихъ шкуръ. Старикъ самоѣдъ былъ страшно радъ нашему пріѣзду, такъ какъ очень скучалъ, живя съ двумя своими старухами на совсѣмъ пустынномъ берегу моря. Море, гдѣ онъ промышляетъ глупаго, любопытнаго тюленя, еще было подо льдомъ, тундра, гдѣ онъ ставитъ ловушки на бѣлаго плутоватаго песца, еще не оттаяла, и нельзя еще было ловить этого звѣря въ его норкахъ по сопочкамъ, озера ея еще спали, и нельзя было неводить и добывать вкусную рыбу, а оленей, которыхъ онъ пасъ, было у него такъ мало, что ему совсѣмъ нечего было дѣлать. И онъ только похаживалъ весь день по берегу моря да смотрѣлъ своими узкими зоркими глазками, какъ кругомъ спала его унылая, скучная, однообразная, но все же милая ему, тихая родина. Побродитъ, походитъ по обрывистому берегу спящаго моря, посмотритъ кругомъ и сядетъ на обрывъ и соснетъ подъ лучами теплаго солнышка. Такъ же, если еще не больше, скучали и его двѣ старухи. Тѣ даже рѣдко выходили изъ темнаго чума, куда только сверху, въ дыру, куда уходитъ синій дымъ очага, заглядываетъ порой солнышко. Сидятъ все въ немъ около огонька да грѣются, да смотрятъ, какъ горитъ веселый огонекъ; даже на солнышко не выйдутъ, потому что ихъ старые глаза уже

боялись сильнаго ослѣпительнаго свѣта отъ снѣга. Только и было у нихъ немного повеселѣе, когда съ тундры придетъ стадо оленей и ляжетъ около ихъ одинокаго жилища, чтобы провести ночь. А уйдетъ стадо въ тундру, убѣжитъ съ нимъ собачка, которая сторожитъ его отъ сѣрыхъ волковъ, и чумъ снова мертвый стоитъ на самомъ берегу моря, безъ движенія, безъ крика рѣзвыхъ дѣтей. Старикамъ всюду скучно на свѣтѣ. Скучалъ и старикъ Урко, какъ вдругъ мы пріѣхали къ нему цѣлымъ караваномъ на семи санкахъ. Онъ никогда въ жизни не видалъ столько гостей. Около чума послышался лай собакъ и говоръ; въ нѣсколько минутъ кругомъ забродили спущенные съ вязокъ олени; задымился очагъ; повалилъ дымокъ изъ чума, и въ чумѣ, гдѣ, быть-можетъ, уже цѣлыя десять лѣтъ была одна только тишина, вдругъ послышался смѣхъ и веселый говоръ.

Старикъ не зналъ, чѣмъ насъ угостить; старухи наперерывъ старались намъ угодить, спотыкаясь на каждомъ шагу и возбуждая хохотъ моихъ молодыхъ самоѣдовъ-спутниковъ. Но вотъ мы всѣ у очага въ его чумѣ; веселый огонь уже скипятилъ намъ чай въ подвѣшенномъ чайничкѣ; въ темныхъ чугунныхъ котлахъ уже кипитъ оленье мясо для обѣда. И вдругъ среди общаго веселья, хохота, разговоровъ, разсказовъ старика, какъ недавно къ нему въ чумъ приходилъ бѣлый мѣд-

вѣдь съ визитомъ, вбѣгаетъ мой ямщикъ-самоѣдъ и кричитъ: „Ворона прилетѣла".

Разговоръ сразу прекратился; старухи, какъ стояли, такъ и застыли на мѣстѣ; самоѣдъ Урко повѣсилъ голову; мои ямщики притихли и замолчали, и словно самый огонь чума, душа жилища самоѣда, и тотъ сталъ потухать, подернувшись синимъ дымкомъ отъ хлынувшаго въ чумъ холоднаго вѣтра.

Казалось, приди сейчасъ самъ бѣлый медвѣдь къ чуму, среди моихъ друзей не было бы такого смущенія, какое надѣлала неожиданная гостья - ворона. Я рѣшительно не понималъ, отчего она такъ ихъ испугала, и тоже, видя, какъ они всѣ смутились, замолкли, тоже было задумался. Но вотъ старикъ Урко поднимается съ мѣста, достаетъ со стѣнки чума свое ружье, вынимаетъ его изъ кожанаго чехла, кладетъ изъ рога въ темное дуло его мѣрку чернаго пороху, затыкаетъ дуло оленьей шерстью, забиваетъ деревяннымъ толстымъ шомполомъ, кладетъ въ дуло еще свинцовую тяжелую пулю и отправляется бить ворону, словно это уже Богъ знаетъ, какой опасный звѣрь.

Я тоже хотѣлъ было послѣдовать за нимъ, но меня не пускаютъ, говоря, что я испугаю ворону, и я снова сажусь къ костру очага, и мы молча долго ждемъ, когда грянетъ выстрѣлъ и старикъ покончитъ съ невеселой гостьей, которая, слышно, гдѣ-то недалеко каркаетъ.

Выстрѣла долго нѣтъ; старухи сидятъ ни живы, ни мертвы и трясутся; огонь сталъ потухать. Вдругъ грянулъ гдѣ-то недалеко выстрѣлъ и громкимъ эхо раскатился по берегу моря и замеръ далеко. Мы бросились на дворъ; смотримъ въ ту сторону, откуда раздался выстрѣлъ, и видимъ: старикъ Урко лежитъ на брюхѣ, въ рукахъ его ружье, надъ нимъ поднимается цѣлое облако порохового дыма, а ворона, бѣдная ворона, каркая, летитъ прочь отъ его чума въ сторону моря, увлекая за собою всѣхъ нашихъ псовъ, которые веревочкой вытянулись по гладкому бѣлому льду и несутся за ней съ громкимъ лаемъ.

Старикъ, ругаясь, поднимается съ мокраго берега, вымочивъ, ползая по немъ, себѣ брюхо; самоѣды отъ хохота едва стоятъ на другомъ берегу; собаки съ лаемъ несутся дальше и дальше по льду въ море, а ворона, какъ черная точка, летитъ все дальше низко надъ моремъ, взмахивая своими широкими крыльями.

Я съ недоумѣніемъ, все еще не зная, за что такъ осердился старикъ на ворону, подхожу къ нему и спрашиваю:

— На что тебѣ, дѣдушка, понадобилась ворона?

— Чтобъ она трижды лопнула! Чтобы на что-нибудь было ее мнѣ нужно?!..

— За что же ты ее стрѣлялъ такой пулей?

— За то, что прилетѣла.

— Да развѣ она часто къ тебѣ летаетъ, воруетъ у тебя что-нибудь?

— Боже сохрани отъ нея... Часто... Да я уже ее лѣтъ десять, съ той поры, какъ умеръ у меня сынъ, не видалъ ее, проклятую. Ее совсѣмъ и нѣтъ на нашей землѣ... Это она съ вашей земли къ намъ прилетаетъ... Какъ заслышитъ мертвое тѣло, такъ и прилетитъ и сядетъ къ чуму и каркаетъ... Мы страсть ее боимся... Прилетѣла ворона къ чуму—жди покойника. Вотъ за что мы ее не любимъ! закончилъ старикъ и сталъ продувать свое ружье.

— Да не можетъ быть, дѣдушка, говорю ему.

— Ты не вѣришь мнѣ, такъ вотъ спроси у нихъ, они тебѣ то же скажутъ.

Я спросилъ у своихъ проводниковъ, и они, дѣйствительно, всѣ въ голосъ сказали, что ворона такова: прилетитъ къ чуму самоѣда, покаркаетъ,—жди покойника, и мало того, еще не летитъ прочь: только прогонишь, она уже снова на другой день тутъ.

— Чего же она дожидается? спрашиваю я опять у старика.

— А поминокъ.

— Какъ поминокъ?

— А такъ! Какъ умретъ кто, мы похоронимъ и поминки дѣлаемъ, оленя колемъ у могилы,—вотъ она этого оленя и ждетъ. Какъ мы уйдемъ отъ покойника, она тутъ и прилетитъ и ѣстъ его.

Рис. 15. Котлаба Матвея Кирпичева на Новой Землѣ.

Другой разъ цѣлую недѣлю, поганая, тамъ живетъ, даже до покойника и до того доберется.

— Какъ же она до покойника-то доберется? вѣдь вы его кладете въ голбчикъ *), хотя и не зарываете въ землю.

— А кто ее знаетъ какъ? Подроетъ ли она его, песцы ли подроютъ ей нору,—она зайдетъ туда и давай клевать. И старикъ снова сталъ сыпать порохъ въ дуло, снова запыжилъ его оленьей шерстью и спустилъ туда пулю, будучи увѣренъ, что снова прилетитъ къ нему ворона.

Ну, а что же тогда будетъ, если ты убьешь эту ворону? спросилъ я его, когда онъ крѣпко забилъ въ дуло свинцовую пулю.

— А тогда надо взять ее за лапы, разорвать, проклятую, и бросить.

— И что же тогда?

— Тогда, можетъ-быть, никто и не умретъ въ чумѣ.

— И это вѣрно? Такъ бывало?

— Бывало. Только бы убить ее, проклятую. И онъ даже повеселѣлъ при мысли, что ему удастся убить эту ворону. Мы пообѣщали ему помочь; я вынулъ даже для этого свое хорошее англійское ружье, и въ чумѣ, куда мы возвратились съ старикомъ за прерванный чай, снова, казалось, должно

*) Голбецъ, голбчикъ—родъ примоста между печью и палатями, загородка, чуланъ. На сѣверо-востокѣ Россіи и въ Сибири чуланъ называется верхнимъ, а подполье—нижнимъ голбцемъ.

бы воцариться спокойствіе и веселость, какая царила только за минуту до появленія вороны; но какъ мы ни старались разговориться со старикомъ, какъ мы ни шутили съ старухами, наши добрые старички были уже не въ духѣ: то вдругъ задумаются о чемъ-то, прислушиваются, не кричитъ ли на улицѣ ворона.

Скоро прибѣжали съ моря наши собаки; скоро снова около чума наступила тишина, но въ чумѣ бѣдные старики чего-то ждали, и старикъ не разъ подкладывалъ къ себѣ поближе и трогалъ заряженное ружье, словно ожидая съ минуты на минуту, что на дворѣ закаркаетъ опять ворона.

Но наступила свѣтлая, лѣтняя ночь; вмѣсто мѣсяца по горизонту покатилось, не закатываясь ни на минуту, громадное красное солнышко; къ чуму пришло съ тундры стадо оленей и легло спать. А вороны все нѣтъ. Попала ли ей пуля, перепугалась ли она выстрѣла и собакъ, такъ ли она прилетала въ чумъ старика, привлеченная небывалымъ оживленіемъ и нашимъ пріѣздомъ: но больше мы ее уже не видали, какъ ни сторожилъ всю ночь старикъ Урко, какъ ни сторожили всю ночь, думая невеселыя думы, старухи, какъ ни карауллилъ ее нашъ пастухъ, сидя всю ночь на улицѣ, чтобы оленей нашихъ не испугали ночью хитрые, злые волки.

Какъ-то грустно было намъ оставлять на другой день стариковъ. Невольно приходила мысль: кому-то

изъ нихъ принесла недобрую вѣсть ворона, и когда мы прощались съ ними, когда вышли они всѣ втроемъ насъ провожать, то казалось, въ пустомъ темномъ чумѣ уже ждала ихъ страшная смерть.

Бѣдные старики! Они долго стояли на берегу моря, словно не смѣя возвратиться въ свое жилище, словно желая еще хоть разъ видѣть насъ, еще хоть минуту побыть съ нами, слышать нашъ голосъ, веселье, разговоръ, словно мы, уѣзжая отъ нихъ, уже уносили не только ихъ минутное счастье, но и самую надежду на жизнь.

„Живы ли они, такъ ли все еще живутъ въ своемъ бѣдномъ одинокомъ чумѣ?“ часто мнѣ приходитъ въ голову, и, вспоминая ворону, я самъ съ тѣхъ поръ сталъ ее недолюбливать, хотя вѣрю, вѣрю, что она, право, не могла этимъ старикамъ напророчить смерть своимъ появленіемъ и неожиданностью. И мнѣ столько же жалко и самихъ стариковъ, сколько и вороны.

Вотъ какая злая участь ждетъ ее на крайнемъ сѣверѣ, какъ не любитъ ее тамъ человѣкъ!

Тамъ уже не смѣются надъ ней, а прямо стрѣляютъ и разрываютъ на части. Можно же было родиться на свѣтъ такой несчастной птицѣ. Бѣдная, бѣдная ворона!

VII.

Самоѣдская школа.

Если вы взглянете на подробную карту Новой Земли, то отыщете на западномъ берегу южнаго острова названіе Кармакулы. Эта полярная колонія состоитъ всего изъ трехъ домиковъ, нѣсколькихъ амбарчиковъ, храма въ сторонѣ, на пригоркѣ, и нѣсколькихъ крестовъ, поставленныхъ путешественниками на память. И вѣроятно, долго такъ будетъ и впослѣдствіи, потому что, кромѣ самоѣдовъ-охотниковъ, туда никто не ѣдетъ изъ русскихъ, такъ какъ тамъ холодно и не особенно уютно, и даже лѣтомъ, какъ вы можете убѣдиться изъ фотографіи, снятой въ концѣ іюля мѣсяца, когда у насъ колосится рожь и синѣютъ васильки, тамъ все еще по берегу моря, около домовъ и по горамъ въ лощинахъ продолжаетъ лежать снѣгъ, и по морю продолжаютъ плавать льдины, которыя въ холодный годъ такъ и остаются вплоть до осени, когда въ началѣ сентября все опять покрывается бѣлымъ снѣгомъ.

Но какъ ни холодно тамъ, какъ тамъ ни неуютно, какъ тамъ ни трудно порой бываетъ проводить долгую, суровую, темную, безъ солнышка зиму, но все же и тамъ живетъ охотно человѣкъ и даже привыкаетъ къ такой жизни, любитъ ее, и увезите его оттуда, перенесите его куда-нибудь на нашъ роскошный югъ, онъ даже будетъ тосковать по этомъ островѣ, даже захвораетъ, пожалуй,— такъ сильна въ человѣкѣ привычка, привязанность къ родинѣ.

Вотъ съ этого-то острова Ледовитаго океана я получаю каждый годъ дорогія письма отъ миссіонера-батюшки. Батюшка-миссіонеръ не любитъ писать пространныя письма, но какъ они ни коротки, въ нихъ все найдешь, прочтешь между строчекъ о цѣломъ годѣ жизни этой маленькой колоніи: кто у кого родился и кто умеръ и похороненъ, кто женился или къ кому думаетъ посвататься, кто какъ зимовалъ въ разныхъ уголкахъ Новой Земли, охотясь за бѣлымъ медвѣдемъ, кто разбогатѣлъ отъ счастливаго промысла тюленей, кто, напротивъ, отъ болѣзни или старости запустилъ совсѣмъ свое маленькое, промысловое хозяйство, кто подвергся страшному нападенію бѣлыхъ медвѣдей или случайно, промышляя въ морѣ, вывалился изъ лодки, кто подстрѣлилъ себя на охотѣ или чуть не заблудился и не погибъ зимою въ буранъ, и кто кланяется мнѣ, и кто меня еще тамъ помнитъ... И читая такое письмо,

сразу невольно переносишься на этотъ островъ и словно видишь всѣхъ, и такъ все дорого становится сердцу, такъ все живо передъ глазами...

Но больше всего меня всегда радуютъ вѣсточки о самоѣдской школѣ. Много школъ я знаю и видалъ на свѣтѣ: и во Франціи, и въ Швейцаріи, и въ Германіи, и въ Россіи, и въ Палестинѣ, и въ Турціи, и у киргизовъ, и у лопарей, и у вогуловъ, и у зырянъ на Печорѣ, и богатыхъ и бѣдныхъ, и большихъ и маленькихъ, и роскошныхъ и убогихъ, но эта школа мнѣ почему-то дороже всѣхъ, и я чаще всего возвращаюсь къ ней мыслями. Она совсѣмъ не такъ устроена, какъ наши школы, въ ней совсѣмъ другой методъ обученія... И кромѣ того, передъ ней стоитъ снять шапку потому, что она самая сѣверная школа на свѣтѣ.

Дѣйствительно, самая сѣверная, потому что ни на о. Шпицбергенѣ, ни въ Гренландіи, ни на другихъ островахъ Полярнаго моря нѣтъ такъ близко къ полюсу школъ и эта школа самая ближайшая его сосѣдка.

Я познакомлю васъ съ этой школой, какою она была при мнѣ, когда я путешествовалъ по этому острову, и въ какомъ положеніи она находится по настоящее время, судя по письмамъ добраго батюшки-миссіонера.

Въ первое время, когда мы съ батюшкой вздумали учить грамотѣ самоѣдовъ на Новой Землѣ, у насъ не было помѣщенія.

Мое помѣщеніе,—комната, въ которой я препарировалъ животныхъ и птицъ для музеевъ, и кабинетъ, совсѣмъ не годились для этой цѣли, потому что вѣчно были загромождены; а помѣщеніе батюшки состояло всего изъ одной комнаты,—большой избы, въ которой за занавѣсомъ помѣщалась его кровать, за перегородочкой—кухонная печь, а все остальное пространство, въ видѣ чистой горенки, всего съ однимъ окномъ въ горы, было скорѣе нашимъ общимъ достояніемъ, куда мы сходились обѣдать и ужинать. Затѣмъ, кромѣ казармы, гдѣ жили самоѣды-колонисты, и бани, въ которой мы изрѣдка парились, тамъ совсѣмъ не было теплаго помѣщенія, а въ холодныхъ, хотя самоѣды вѣчно въ шубахъ, зимою и лѣтомъ, мы не рѣшились устроиться. Поэтому рѣшено было просто собирать желающихъ учиться грамотѣ въ комнатку батюшки, куда и безъ того постоянно забѣгали ребятишки то посмотрѣть, что мы дѣлаемъ, то просто погрѣться, то что-нибудь получить изъ съѣдобнаго, потому что все, что мы себѣ приготовляли въ скромной кухнѣ, было настоящимъ лакомствомъ для самоѣдскихъ дѣтей.

Мы живо принялись за обстановку нашей школы: картины, какія только у насъ были, поразвѣсили по стѣнамъ; карты распялили тутъ же; изъ заголовковъ газетъ вырѣзали подвижныя буквы; выкрасили доску охрой; въ передній уголъ повѣсили портреты Государя и Государыни, на печку

нашу, которая особенно намъ мозолила глаза, занимая большое пространство въ комнатѣ, прикрѣпили нѣсколько случайно попавшихъ въ нашъ багажъ платковъ съ рисунками.

Все это было страшной приманкою, и по вечерамъ къ намъ собиралось такое многолюдное общество, что даже дѣлалось жарко въ однѣхъ рубашкахъ.

Разумѣется, пришлось первымъ долгомъ учить самоѣдовъ русскому языку. Учиться же пожелали рѣшительно почти всѣ самоѣды, большіе и малые, исключая развѣ только нѣсколькихъ стариковъ; наша школа превратилась въ какой-то народный университетъ.

Это, помню, насъ нѣмного смутило: мы разсчитывали только на малышей, но самоѣды по своему поняли нашу затѣю.

И вотъ, вечеромъ у насъ нѣсколько семей самоѣдовъ; всѣ въ своихъ теплыхъ костюмахъ изъ оленьихъ шкуръ, и большіе и малые, и дѣти, и женщины и мужики, кто садится прямо на полъ, кто на скамьи вдоль стѣнъ, кто просто стоитъ, и всѣ съ выраженіемъ такого глубокаго вниманія, такъ серіозно слушаютъ насъ, что мы проникаемся уваженіемъ къ нашимъ почтеннымъ студентамъ.

Начинаетъ преподаваніе, разумѣется, батюшка: молитва передъ ученіемъ, объясненіе ея, „Отче нашъ“ съ объясненіями, „Богородица“ съ краткимъ описаніемъ жизни Богоматери. Потомъ слѣдуетъ ариѳметика при помощи пальцевъ, которые

смѣшно такъ начинаютъ за нами прижимать самоѣды, считая: „разъ, два, три, четыре“, потомъ что-нибудь въ объясненіе картинъ, что-нибудь изъ атласа звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ, что-нибудь изъ русской жизни, изъ жизни нашего мужика, съ объясненіями наглядно, что такое зерно, изъ чего дѣлаютъ муку и выпекаютъ хлѣбы, потому что наша аудиторія не имѣетъ и понятія о томъ, откуда берется хлѣбъ и какъ онъ произрастаетъ... И смотришь, вечеръ проходитъ. Самоѣды страшно заинтересованы и оживлены; они обмѣниваются своими впечатлѣніями и удивляются наивно тому, что узнали, и хотя въ комнатѣ страшно тепло, хотя голова кружится отъ запаха шкуръ, хотя ребятъ маленькихъ давно бы слѣдовало вынести на улицу и освѣжить, а нѣкоторые изъ нихъ даже заснули на рукахъ матерей, но мы довольны и радушно провожаемъ публику до слѣдующаго вечера.

И вотъ такъ, съ картинами, стараясь растолковать, какъ можно болѣе понятнымъ языкомъ и жестами, ломая неимовѣрно языкъ, мы незамѣтно учимъ этихъ дѣтей природы русскому языку и знаніямъ по всѣмъ отраслямъ наукъ. Выйдешь на улицу прогуляться, увидятъ тебя самоѣдскіе ребятишки,--и бѣгутъ уже рядомъ и спрашиваютъ, указывая на разные предметы: „Труба?“ Отвѣчаешь: „Труба“. „Окошко?“ „Пимы?“. Говоришь: „Окошко“, „пимы“, и довольные, что они узнали,

какъ называется по-русски труба, окошко и пимы, они заливаются своимъ дѣтскимъ смѣхомъ и приплясываютъ отъ удовольствія на сугробахъ.

Такъ, почти шутя, разсказывая то и другое, показывая иллюстраціи изъ журналовъ, мы познакомили въ первую же зиму нашу аудиторію со множествомъ неизвѣстныхъ ей предметовъ, а при помощи передвижныхъ буквъ, доски да мѣла и маленькихъ, дешевыхъ азбучекъ—и съ самой грамотой, научивъ нѣкоторыхъ порядочно писать и читать.

Училась у насъ даже кривая бабушка-старушка и была самымъ веселымъ слушателемъ и, хотя плохо понимала грамоту, но зато чудесно всѣхъ передразнивала, кто какъ читаетъ и учитъ.

Къ Рождеству уже многіе знали хорошо молитвы, что особенно утѣшало батюшку. Мы устроили даже для своихъ учениковъ елку, которую однако, благодаря тому, что на Новой Землѣ не было сроду ни одного деревца, пришлось соорудить просто изъ палки, въ которую мы воткнули прутики изъ нашихъ метелъ. Сначала мы были поражены такимъ убожествомъ, но когда на эту елку развѣсили нѣсколько фунтовъ калачей, конфетъ и пряниковъ, когда ее убрали разноцвѣтной бумагой и восковыми свѣчками, а сверху водрузили букетъ засохшихъ цвѣтовъ, то елка вышла такая славная, что даже мы были ею довольны. Ученики же наши, привалившіе цѣлой гурьбой,

были такъ поражены такимъ невиданнымъ для нихъ, лакомымъ, вдобавокъ, зрѣлищемъ, что долго стояли съ разинутыми ртами, не смѣя шагнуть впередъ и проронить слова. А потомъ, когда елка со всѣмъ содержимымъ была предоставлена въ ихъ пользованіе, они пришли въ такой азартъ, что чуть не свалили ее съ пьедестала-кадки.

Къ лѣту наши студенты знали уже очень многое; нѣкоторые мальчики уже начинали читать по-славянски, приготовляясь къ чтенію Апостола въ нашей маленькой церкви, и когда въ іюлѣ пришелъ первый пароходъ, то мы даже предприняли съ нашими учениками, оказавшими особенные успѣхи, настоящую экскурсію и вывезли ихъ въ первый разъ за тысячу верстъ на материкъ въ г. Архангельскъ, гдѣ они и были достойно проэкзаменованы архипастыремъ, который и одѣлилъ ихъ за это подарками въ своемъ архіерейскомъ домѣ.

Изъ этой экскурсіи наши ученики вывезли столько знаній, что сразу поняли и полюбили русскую жизнь, и послѣ, цѣлую зиму, у нихъ было столько воспоминаній и разговоровъ про нашу землю, что даже мы заслушивались, какъ они по своему объясняли то, что видѣли и узнали.

Теперь, въ настоящее время, какъ видно изъ писемъ съ Новой Земли, школа эта уже далеко двинулась впередъ: она помѣщается въ особомъ домикѣ, который построенъ у самаго храма, на

горкѣ; тамъ есть библіотека и учебныя пособія, тамъ есть географическія карты и глобусы; въ школѣ учатся дѣти школьнаго возраста, туда не ходятъ женщины съ грудными дѣтьми сидѣть и слушать для развлеченія; и тамъ уже идетъ настоящее преподаваніе, и дѣти уже давно читаютъ молитвы въ храмѣ, поютъ и молятся сознательно, не смѣшивая христіанство съ язычествомъ и бойко отвѣчая на вопросы посѣтителей, которые изъ любопытства пріѣзжаютъ на этотъ островъ лѣтомъ изъ Архангельска и заходятъ въ достопримѣчательности этой колоніи—храмъ и школу.

Теперь она уже многимъ походитъ на наши школы и школки грамоты, и тамъ даже бываютъ свои экзамены и свои ревизоры.

Только эти ревизоры, нужно замѣтить, очень ужъ сердитые и страшные. И батюшка недаромъ побаивается ихъ и посейчасъ, послѣ того, какъ его съ учениками попугалъ одинъ страшный такой ревизоръ.

Вотъ что случилось въ первые годы существованія школы, когда я еще путешествовалъ по этому острову.

Однажды, не помню хорошо, на второй годъ основанія ея или на третій, уже подъ весну, когда вдоль береговъ острова замерзаетъ вода въ полярныя сумерки, батюшка преподавалъ своимъ ученикамъ катехизисъ, сидя, разумѣется, съ учениками на полу своей комнаты, на кошмѣ, под-

жавъ ноги по-самоѣдски. Не знаю, почему, ученики больше посматривали въ окно, чѣмъ въ книгу, хотя за окномъ этимъ ничего не видно было, кромѣ громаднаго сугроба снѣга.

Батюшка, хотя и терпѣливый человѣкъ, но, говорятъ, былъ не очень на этотъ разъ доволенъ такимъ невниманіемъ и выговаривалъ имъ за разсѣянность. Какъ вдругъ мальчики говорятъ ему „Посмотри-ка, батюшко, ошкуй!“ *). Батюшка принялъ это на свой счетъ и еще болѣе осердился. Нужно замѣтить, что батюшка порядочно-таки побаивался бѣлыхъ медвѣдей и вообще не любилъ, чтобы при немъ о нихъ поминали. Но дѣти не унимались: „Батюшко, посмотри-ка, идетъ сюда ошкуй!“ „Ошкуй!“ А батюшка хмурится и все заставляетъ смотрѣть въ книгу. Какъ вдругъ стало темно въ окошкѣ. Батюшка оглядывается, и дѣйствительно видитъ, какъ по сугробу спускается къ самому окну громадный бѣлый медвѣдь. Дѣти вскрикнули, и въ одинъ мигъ вся школа разсыпалась: кто подъ печь, кто подъ лавки, вмѣстѣ съ своимъ достойнымъ учителемъ, который забился какъ можно только было дальше за печку. Всѣ ждутъ, что медвѣдь полѣзетъ въ окно, въ которое уже видна была его громадная бѣлая морда. Какъ вдругъ поднялся страшный лай собакъ, послышались выстрѣлы и пули застучали въ стѣны школы.

---

*) Ошкуй—самоѣдское названіе бѣлаго медвѣдя.

Наши студенты со своимъ учителемъ еще больше перепугались. Къ счастью ихъ, страшнаго звѣря живо уложили тутъ же у стѣнъ школы.

Съ ревизора, разумѣется, сняли шубу, и такъ какъ онъ убитъ былъ при исполненіи обязанности и, быть-можетъ, былъ командированъ нарочно ледянымъ министерствомъ съ самаго полюса для ревизіи этой школы, то шубу его подарили достойному учителю-батюшкѣ на память.

И такихъ ревизоровъ этой школы на Новой Землѣ, кажется, довольно, потому что рѣдкій годъ проходитъ, чтобы мнѣ не писали о подобныхъ посѣщеніяхъ, только съ тою разницею, что одни медвѣди являются днемъ, не обращая вниманія на собакъ, а другіе ночью. При мнѣ были разъ такіе ревизоры и даже въ числѣ трехъ персонъ, — вѣроятно, цѣлая депутація съ полюса: они, къ счастью недолюбливающаго ихъ батюшки, явились къ нему ночью и, такъ какъ школа была крѣпко-накрѣпко заперта затворомъ, ограничились наружной ревизіей, побывавъ и на крышѣ дома и на крыльцѣ, полазивъ и по угламъ и по задворкамъ и даже послушавъ въ трубу, все ли тамъ обстоитъ благополучно. И такъ какъ всѣ спали крѣпкимъ сномъ, то, разумѣется, не слышали такого посѣщенія, и медвѣди, ограничившись осмотромъ дома, скатившись по сугробу съ его крыши, такъ и ушли въ море на свои плавучіе льды, на которыхъ они вѣчно путешествуютъ.

Разсказываютъ, что самоѣды были страшно удивлены, увидавъ утромъ слѣды этихъ почетныхъ посѣтителей, и въ то время, когда охотники охали, что прозѣвали, батюшка былъ такъ радъ, что чуть не отслужилъ благодарственный молебенъ.

Теперь, какъ видно изъ писемъ, батюшка привыкъ къ бѣлымъ медвѣдямъ.

IX.

Школа у остяковъ.

Когда вы ѣдете внизъ по могучей широкой Оби, будетъ ли это лѣтомъ, когда вы плавно покачиваетесь въ почтовомъ каючкѣ, прислушиваясь къ всплеску веселъ, или суровою холодною зимою, когда вы сидите въ тепломъ возкѣ и слышите только одинъ хрустъ снѣга, васъ пріятно поразитъ послѣ сплошной лѣсной дикой картины село Кондинское, которое вдругъ покажется изъ-за высокаго обрыва берега своими сѣренькими строеніями и бѣлымъ стариннымъ монастырскимъ храмомъ.

Именно пріятно, потому что кругомъ — однообразная, дикая тайга, и на пути, ѣдете ли вы отъ Тобольска, или направляетесь отъ далекаго глухого Березова, вы на сотни верстъ ничего не встрѣтите, кромѣ юрты остяка или изрѣдка бѣднаго русскаго и на половину остяцкаго селенія, которыя тоже называются юртами. Остяки-рыболовы и звѣроловы—почти единственное мѣстное населеніе Кондинскаго края.

Рис. 16. Обскіе остяки.

Вотъ онъ, во всей своей суровой прелести, центръ этого края — село Кондинское. Высокій, крутой песчаный обрывъ, сѣрыя крыши строеній, бѣлый храмъ среди необозримаго разлива рѣки Оби, которая, какъ заливъ моря, омываетъ крутой песчаный берегъ...

Я всегда любилъ подъѣзжать къ этому селу со стороны Тобольска, и видъ села и бѣлаго стариннаго храма всегда на меня производилъ, послѣ тайги, сильное впечатлѣніе. И мнѣ казалось, что недаромъ въ старое время русскіе казаки выбрали это мѣсто для устройства своей крѣпости и недаромъ послѣ нихъ русскіе иноки устроили тутъ монастырь, выбравъ это высокое, красивое мѣсто, чтобы стать на стражѣ христіанства.

Но теперь давно уже нѣтъ этого мужского монастыря; онъ упраздненъ, и вмѣсто него осталось только село, въ которомъ только въ самое послѣднее время снова завелся другой монастырь— женская, маленькая, но дѣятельная община, явившаяся продолжать начатое давно святое дѣло — просвѣщеніе инородцевъ.

Эта община существуетъ тутъ всего 5 лѣтъ, и я всегда захожу въ нее, когда мимо проѣзжаю, чтобы посмотрѣть и древній храмъ и все, что тамъ дѣлается на пользу этого глухого края.

* * *

Такъ было и въ послѣдній разъ, когда я проѣзжалъ на понизовье Оби зимою 1898 года.

Я зашелъ помолиться и вдругъ увидалъ въ оградѣ не грустныхъ, въ черномъ платьѣ, монахинь, а цѣлую компанію бойкихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые такъ были увлечены игрой въ снѣжки, что даже не замѣтили сначала, что я ими залюбовался... Въ теплыхъ малицахъ, въ оленьемъ мѣху, они были любопытны. Я спросилъ, откуда они,—оказалось, что здѣшніе. Я спросилъ ихъ, что они дѣлаютъ въ монастырѣ; они отвѣтили, что учатся въ школѣ. И я тотчасъ же попросилъ позволенія ее посѣтить, потому что это была единственная еще школа для остяцкихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которую я видѣлъ въ этомъ краѣ.

Мнѣ охотно дозволено было это настоятельницей общины, монахиней-старушкой.

Школа маленькихъ остяковъ помѣщалась въ главномъ зданіи женской общины, напротивъ храма. Въ большой, довольно свѣтлой комнатѣ дѣти сидѣли уже на мѣстахъ. Меня встрѣтила молодая дѣвушка, по чертамъ лица которой я узналъ сразу, что она инородка. Оказалось, что она жительница далекаго Алтая и пріѣхала сюда, желая послужить бѣднымъ остякамъ.

Монашенка Нина тотчасъ же познакомила меня со своими воспитанниками и стала продолжать урокъ.

Я вглядѣлся въ маленькихъ школьниковъ и сразу замѣтилъ между ними нѣсколько остяковъ,

мальчиковъ и дѣвочекъ, которые рѣзко отличались отъ сидѣвшихъ рядомъ съ ними русскихъ своими выдающимися скулами, грубыми черными волосами и немного словно татарскими глазами. Всѣхъ учениковъ было 16. Я спросилъ, какъ учатся остяки. Мнѣ ихъ не особенно похвалили. Но это совсѣмъ не относилось къ способностямъ этого народа къ ученію, а скорѣе къ тому, что они просто еще плохо знали русскій языкъ, за который ихъ сразу посадили.

Но въ общемъ они, по словамъ ихъ учительницы, мало отстаютъ отъ русскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, охотно учатся и привыкаютъ къ русскому языку, хотя, повидимому, имъ сначала тяжела эта неволя.

Для тѣхъ, кто еще не понималъ хорошо русскаго языка, учительница составила остяцкую грамматику.

Но эта маленькая школа остяковъ съ рядами партъ, классными досками и картами, не была единственной ареной дѣятельности этой учительницы-калмычки: она навѣщала, учила своихъ учениковъ и въ самыхъ юртахъ лѣтомъ, когда остяки уѣзжаютъ со своими семьями на рыбный промыселъ.

Какъ она учила тамъ, я уже не знаю, но догадываюсь, что нужно имѣть особенную страсть и привязанность къ дѣтямъ, чтобы рѣшиться цѣлое лѣто жить въ грязной, воняющей

рыбой хижинѣ. Но отважная учительница говорила мнѣ, что прекрасно все переносила: и тучи комаровъ, и грязь и бѣдность дикаря, зная, что ее любятъ и у ней охотно учатся и что со временемъ будутъ и опрятными и образованными эти милыя ей остяцкія дѣти.

По ея словамъ, ради этого можно снести все.

Пока мы разговаривали съ инокиней Ниной, въ школу вошелъ молодой священникъ, который отрекомендовался законоучителемъ, и начался опять урокъ.

Дѣти бойко и толково читали молитвы и хорошо справлялись съ вопросами своего законоучителя.

И когда я вышелъ на дворъ и оставилъ стѣны этой женской маленькой сѣверной общины, которая пришла сюда трудиться для просвѣщенія дикаря, то на душѣ стояло такое чувство, что я готовъ былъ пожать первому встрѣчному руку, поздравляя его съ зарей новой, лучшей жизни.

* * *

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда я возвращался по Оби съ сѣвера уже на утломъ каючкѣ, я случайно встрѣтилъ въ однѣхъ юртахъ двухъ дѣвушекъ, которыя сразу обращали на себя вниманіе своимъ болѣе опрятнымъ и милымъ видомъ.

Я спросилъ ихъ, кто онѣ такія, думая, что это русскія, и онѣ бойко отвѣтили, что онѣ—остячки, ученицы монахини Нины, что два года кряду жили въ монастырѣ и учились, и теперь еще продолжаютъ учиться.

Я съ ними разговорился.

Оказалось, что онѣ на каникулахъ въ юртахъ своихъ отцовъ и матерей; но и среди этой обстановки онѣ продолжаютъ учиться и читать книжки, и среди грязной работы, чистки рыбы, онѣ сумѣли сберечь свои бѣлыя рубашечки и сарафанчики чистыми, и ихъ сразу отличите отъ тѣхъ, кто не учился въ школѣ этого женскаго монастыря.

Я спросилъ ихъ, какъ имъ кажется дома послѣ школы, и онѣ подтвердили мое предположеніе, что онѣ ничуть не смущаются бѣдностью и дѣлаютъ все возможное, чтобы придать своему жилищу и жизни болѣе уютности и порядка.

Я заглянулъ въ ихъ юрты, которыя стояли тутъ же на берегу, и дѣйствительно убѣдился въ этомъ воочію. Юрты были чисто выметены и прибраны, чувалъ (родъ камина) былъ выбѣленъ глиной; нары, на которыя въ другихъ мѣстахъ нельзя было опуститься безъ отвращенія, были прикрыты цыновками, и въ углу стояли даже маленькія пяльцы, на которыхъ дѣвушки-хозяйки умѣло что-то вышивали для своихъ маленькихъ сестренокъ, желая ихъ одѣть приличнѣе и наряднѣй.

Я спросилъ, что онѣ читаютъ, и онѣ, къ удивленію моему, вытащили мнѣ дюжину разныхъ маленькихъ книжекъ.

— И вы часто читаете?

— Каждый вечеръ, отвѣчали онѣ бойко.

— Однѣ?

— Нѣтъ, насъ слушаютъ старшіе.

Я повелъ ихъ къ своей лодкѣ, чтобы подарить имъ нѣсколько книжекъ на память. Онѣ охотно взяли ихъ, а я сѣлъ снова въ свой каючокъ и направился далѣе, унося отсюда, съ этого непривѣтливаго берега и лѣса, болѣе свѣтлыя воспоминанія, чѣмъ бывало раньше.

Содержаніе.

	стр.
I. Галейко (изъ жизни киргизовъ).	3
II. Киргизская школа.	19
III. Вогульскій почтальонъ	28
IV. Вогульская школа.	50
V. Пасха среди самоѣдовъ	57
VI. Наши инженеры	66
VII. Ворона	89
VIII. Самоѣдская школа	108
IX. Школа у остяковъ	120

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“.

„Воспитаніе и Обученіе“—органъ **семейнаго воспитанія**. Въ немъ помѣщаются популярныя статьи и замѣтки, разсматривающія вопросы воспитанія со стороны **гигіенической** (обстановка и физическое воспитаніе ребенка въ семьѣ) и **психической** (исторія душевнаго развитія ребенка, дѣтскіе недостатки и раціональная борьба съ ними). Статьи и замѣтки о новыхъ движеніяхъ въ наукѣ воспитанія: по обученію въ семьѣ; объ отношеніяхъ семьи къ школѣ; о домашней подготовкѣ къ школьнымъ работамъ; свѣдѣнія объ обществахъ и союзахъ родителей, воспитателей и врачей; о дѣтскихъ развлеченіяхъ и т. п. Постоянно разрабатывается вопросъ о дѣтскомъ чтеніи путемъ отдѣльныхъ статей и разборомъ новыхъ книгъ, предназначаемыхъ для дѣтей.

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“ выходитъ ежемѣсячно, выпусками большого формата въ 32—64 столбца убористой печати.

Условія подписки на 1903 годъ прежнія:

На годъ съ дост. и пересылкою—**2 рубля**.

Адресъ для иногородныхъ: Петербургъ, Захарьевская, 1.

Контора: Петербургъ, Невскій, 90—92.

Редакторъ-издатель *Алексѣй Альмединге*нъ.

Школа въ Нахрачахъ.

Цѣна 80 коп

2007056088